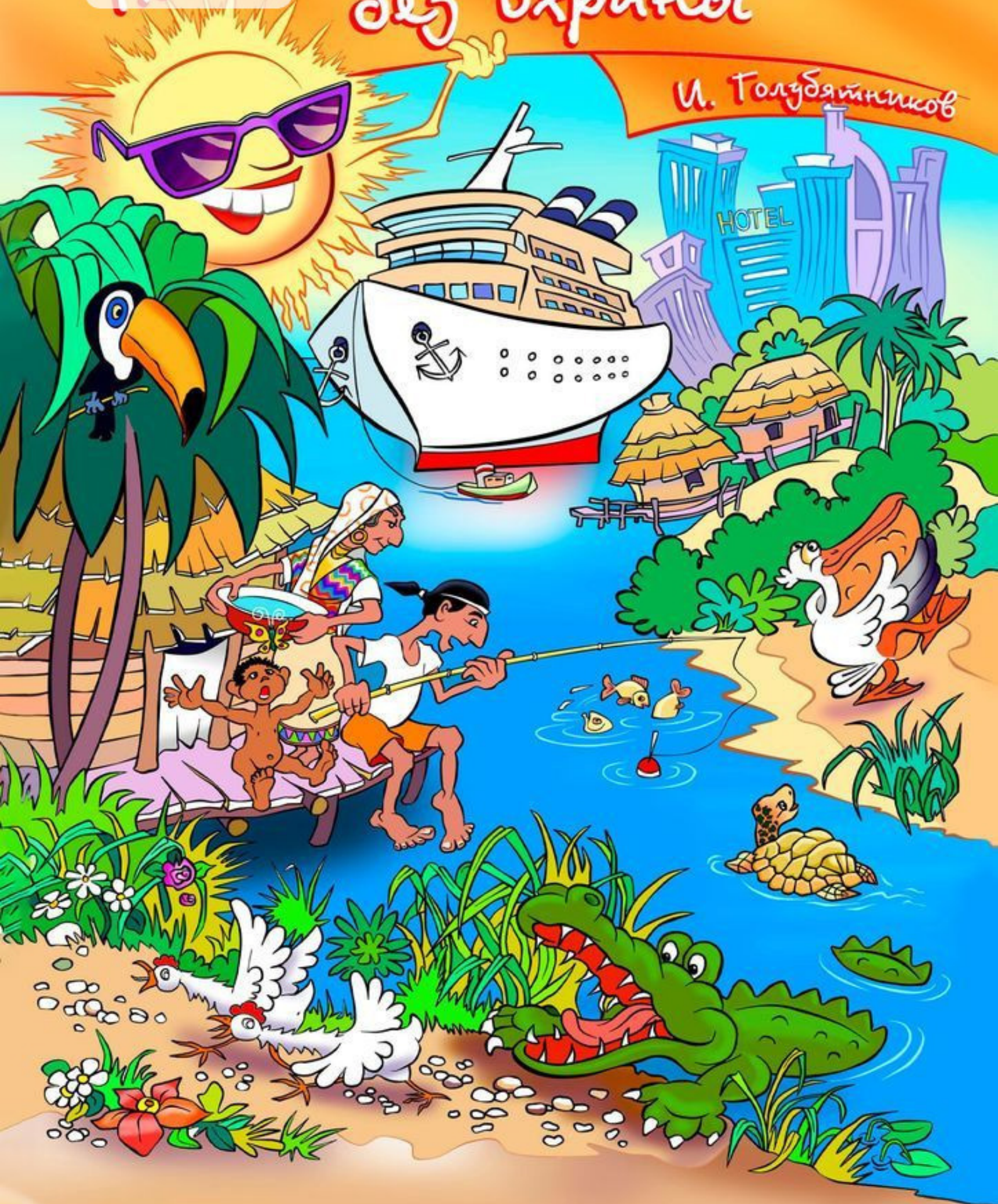

18+

По банановым республикам без охраны

И. Толубяйников

Игорь Голубятников

**По банановым
республикам без охраны**

«Издательские решения»

Голубятников И.

По банановым республикам без охраны / И. Голубятников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513509-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Занимательные и познавательные истории (написанные
от первого лица!) про жизнь, быт, привычки и традиции народов стран
Центральной Америки, больше известных миру под названием «банановые
республики». Время описываемых приключений: конец прошлого — начало
нынешнего века, с небольшими историческими инкрустациями и обильными
повседневными комбинациями.

ISBN 978-5-00-513509-4

© Голубятников И.
© Издательские решения

Содержание

ИГОРЬ ГОЛУБЯТНИКОВ (ПАЛОМАРЕС)	6
ПО «БАНАНОВЫМ РЕСПУБЛИКАМ»	7
вступление	8
ТЕГУСИГАЛЬПА	9
ГВАТЕМАЛА	13
АНТИГУА	21
ЧИМАЛЬТЕНАНГО	28
ТИКАЛЬ	36
БЕЛИЗ	46
БАРЬЕРНЫЙ РИФ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

По банановым республикам без охраны

Игорь Голубятников

Иллюстратор Константин Никитский

© Игорь Голубятников, 2020

© Константин Никитский, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3509-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГОРЬ ГОЛУБЯТНИКОВ (ПАЛОМАРЕС)

**ПО «БАНАНОВЫМ РЕСПУБЛИКАМ»
БЕЗ ОХРАНЫ**
роман-путеводитель

иллюстрации Константина Никитского

вступление

«*Не хватайтесь за чужие талии, вырвавшись из лап своих подруг. Вспомните, как к берегам Австралии подплывал покойный ныне Кук!*» – напевал я про себя песенку Высоцкого, сидя в заходящем на посадку самолете компании «Аэрофлот». До Никарагуа наш ИЛ-62М садился уже дважды: в ирландском Шэнноне и флоридском Майами. Двадцать часов собственно полета плюс время дозаправок и профилактики. А если мне все до чертиков обрыдло, то что же чувствуют жена и четырехлетняя дочь??

«И чего этот Кук поперся в такие дали?» – размышлял я, с нетерпением ожидая, когда колеса шасси коснутся взлетно-посадочной полосы: – «А Колумб? А Ливингстон? А наш родной Миклухо-Маклай? Чего им дома не сиделось-то??» Лайнер делает круг над мутными водами озера Манагуа и благополучно приземляется, не дав мне возможность довести размышления о мотивах великих путешественников до логического завершения. Впереди – новый этап жизни на не открытом пока мною континенте.

Мне, преподавателю «Гнесинки» и концертирующему гитаристу, к началу девяностых стало тоскливо жить в родной стране. Ежемесячные талоны на продукты и ломящиеся от обилия деликатесов рестораны, несчастные старушки, выстраивающиеся продовольственным прилавком перед входом в метро и пирующие бритоголовые «братки», потливая суэта правительств и назойливая пропаганда масс-медиа – все это породило твердое намерение валить, куда глаза глядят из России. Жена и дочь поддержали намерение.

На ловца и зверь: в 1992-ом году я получил сразу два предложения постоянной работы за рубежом. Одно – в тогда еще мирный и респектабельный Дамаск, и другое – в никому в ту пору (даже автору известной фразы Николаю Фоменко) неведомый Гондурас.

Почему вместо гарантированной работы в оркестре и консерватории, бесплатному проживанию в посольском городке и оплаченному вместе со всем багажом (во, дали-то какие открывались!) авиабилету раз в год, я предпочел одну из «банановых республик», знакомую мне только по роману *О. Генри*, внятно бы и не ответил. О, пресвятые Куки и Колумбы, наставьте вашего последователя на путь истинный!

Выйдя из душного, грязного и тесного двухэтажного здания аэропорта, мы пересекли шоссе и оказались в пышном эдемском саду отеля, где нам предстояло прожить несколько дней в ожидании виз в соседний Гондурас. И это был первый раз в моей жизни, когда я прочувствовал что означает фраза «буйство тропиков».

При палящем почти триста дней в году солнце и изобилии пресной воды, в здешнюю плодородную вулканическую почву достаточно воткнуть палку, чтобы через пару лет из нее выросло дерево. Высоченные *сейбы* и *хакаранды* с опутывающими их по рукам и ногам лианами, густой подлесок из неведомых мне кустарников, орхидей и кактусов, клумбы цветов там и сям – и все это источает сильнейший, почти невыносимый для европейского носа аромат гнивающего цветения и сырости. Пара попугаев *гуара*, спускающихся с помощью цепких лап и мощных клювов по ветвям к бассейну (наверно, чтобы обшмонать новичков!), да еще зависшая игрушечным вертолетиком над огромным бутонем *колибри* – и мой безмолвный ступор после унылой октябрьской Москвы уже на подходе! А что же будет дальше, господа??

ТЕГУСИГАЛЬПА

А дальше был сплошной Гондурас.

Когда выходишь из самолета в *Тегусигальпе*, то первое, что ощущаешь – это напоенный запахом соснового леса воздух. Когда-то в доколумбовы времена, вся территория, на которой сейчас расположен миллионный мегаполис, была покрыта сосняком.

Сейчас эти деревья растут только в респектабельных пригородах, да по крутым горам, где крестьянам затруднительно возделывать почву дедовским подсечноогневым методом. Но их запах всегда слышен в городе. Особенно после дождя и по прилету, когда обоняние еще не успело привыкнуть к нему.

Аэропорт в столице Гондураса маааленький, а взлетная полоса корооотенькая. Когда самолет снижается при посадке, то пролетает прямо над крышами домов, потом над дорогой на юг страны, и сразу после дороги начинается собственно посадочная полоса.

Сажать самолет здесь разрешают только местным, прошедшим спецподготовку по фигурному лавированию, пилотам. Говорят, что несколько раз самолет выпущенным шасси касался крыш проезжающих по трассе автобусов, чем приводил пассажиров в животную панику, а окрестных ребятишек – в неописуемый восторг. Не знаю, меня в эти моменты ни в самолете, ни в автобусах не было. Но вполне допускаю, что так и было. Не будут же местные иностранцу врать??

Все дело в том, повторяю, что полоса настолько коротка, что не нырни самолет прямо за забором, он неизбежно бы выкатился за ее пределы. Что и случилось один раз, когда американский транспортный «Геркулес» слишком поздно коснулся поверхности, протаранил забор с другой стороны аэропорта и остановился, только напоровшись со всего размаху крылом на крутую скалу.

Разбившийся самолет я видел лично. Нос транспортника грустно навис над шоссе, ведущим к аэропорту, и один из пропеллеров все продолжал вертеться, видимо, надеясь как-то помочь попавшей в переделку машине.

По приезду мы с неделю перекаптовались в одном из отелей, а потом сняли жилье в *Мирафлоресе*, обширном микрорайоне, или, по-местному – колонии – среднего класса.

Просторный дом с тремя спальнями, гостиной, столовой, небольшой кухней, крытым гаражом и отдельно стоящим флигелем для прислуги вполне нам нравится. Гостиная дома обшита красным деревом, двери тоже из него.

Кажется, что эта порода дерева в стране не является чем-то уникальным, изысканным, настолько много его использовано в отделке даже небогатых жилищ. Над домом возвышаются два двухсотлитровых резервуара для пресной воды. Это очень важно для города, где вода населению подается не круглосуточно, а только в определенное время.

Мы живем на взгорке. Отсюда открывается прекрасный вид на центр города, лежащий в долине реки *Чолутека* (с непременным футбольным стадионом!) и окрестные горы, поросшие сосняком. Соседи очень доброжелательные и общительные, мы с ними дружим семьями, особенно с доньей *Миной* и доном *Хуаном* из дома напротив.

Ну, а дочка проводит целые вечера за игрой в лото, или, как его здесь называют – бинго – у других соседей, доньи *Лети* и дона *Хайме*. У них подрастает пятеро детей, все девочки, и младшая по возрасту – годоводок нашей дочурки.

Дон Хуан – бывший военный, по рождению – никарагуанец. Во время гражданской войны он эмигрировал, не желая участвовать в братском кровопролитии. Не обремененный никакими идеологическими шорами, он всегда старается быть максимально объективным в общении с нами и, даже несогласный с чем-то, никогда не будет стремиться, во что бы то ни стало навязать свою точку зрения. Он неизлечимо болен (даже сквозь смуглую кожу лица проступают серые пятна недуга), и предпочитает не тратить оставшееся ему время на бесполезную болтовню.

Его супруга донья Мина – добрейшая женщина. С ее овального, достаточно бледного для местных жителей, лица никогда не сходит мягкая улыбка. Она, помимо забот о домашнем очаге и о трех детях, управляет маленьким семейным бизнесом – аптекой и фактически содержит семью. По утрам, когда зычные призывы уличных торговцев – «*vienen elotes y tamalitos!*» (а вот и кукуруза с накатамалями!) – только еще будят нас, полуночников, донья Мина с доном Хуаном уже спешат на работу.

Двое их старших сыновей – обыкновенные шалопаи, любители пройтись по пиву (или чему покрепче!) и повыпендриваться перед своими сверстниками, а еще больше – перед сверстницами. А вот младшая дочь, *Юлисса*, кажется, унаследовала от матери всю ее доброту и отзывчивость. И даже внешне ооочень похожа на нее! Юли, помимо учебы в университете, помогает родителям в аптеке, неплохо разбирается в мерах первой медицинской помощи и оказывает ее всем соседям, невзирая на собственную занятость и усталость.

Единственная тема, где мы никак не можем сойтись с нашими дорогими соседями – это вопрос веры.

В странах Центральной Америки существует великое множество конфессий, сект, религиозных групп и прочих объединений, где каждый трактует вопросы веры так, как ему кажется наиболее правильным. В основном, все это, конечно, слегка закамуфлированные «бизнес-проекты», но изредка встречаются и «просветленные» на всю голову бессребреники.

С одной стороны, я впервые здесь прочувствовал, что такое есть свобода совести, с другой – удивился, как просто можно основать собственную конфессию, даже не утруждая себя минимальной работой по сведению личных религиозных «прозрений» и духовного опыта в более-менее стройную и понятную систему. Оказалось, что для того, чтобы провозгласить себя новым мессией и начать набирать себе рекрутов, индивидууму достаточно лишь обладать некими, порой весьма разрозненными, знаниями в истории философии и религий.

В большинстве случаев адепты все-таки не пытаются выйти за рамки традиционных христианских ценностей, но кто может быть уверенным, что в один прекрасный день очередное мессианство не закончится новой массовой жертвой выживших из ума фанатиков?

Так что мы старались не беспокоить наших друзей в те дни, когда у них дома проходили религиозные собрания. Да и на приглашения других псевдо-, около-, бизнес – и прочих не совсем в моем понимании христианских сообществ я всегда отвечал вежливым, ни в коей мере не обижающим приглашающую сторону, отказом.

Исключением в этом списке стала Американская Протестантская церковь, чей приход расположился в вотчине правящей элиты страны – колонии *Ломас дель Гихарро*. Настоятель этой церкви пастор *Джефф Эванс* и его супруга *Нэнси* стали нашими добрыми друзьями на долгие годы. После страшного урагана «*Митч*», унесшего в конце октября 1998 года жизни около девятнадцати тысяч человек, никто из нашего посольства в Манагуа не позвонил нам поинтересоваться, живы ли мы, здоровы. Единственными людьми, кто это сделал, были доктор *Фаскель*, тогдашний Министр культуры и спорта Гондураса, и пастор Эванс.

Джефф похож на типичного, в моем понимании, колониста, наподобие тех, что несколькими веками ранее бежали из Европы в Америку от религиозных преследований, и в поисках новых земель. Не совсем *Джон Смит* из «*Покахонтас*», но где-то близко!

Плечистый, крепко сбитый, с неизменной улыбкой на лице, неутомимый труженик, своими руками способный возвести дом (что он и делал после «Митча», помогая беднякам, лишившимся крыши над головой), он и на стройке и на амвоне подавал пример служения. Я, понятное дело, не исповедовался и не причащался, но любил бывать и в церкви на его воскресной проповеди, и дома у них с Нэнси в горном пригороде Тегусигальпы – районе *Эль Атийо*.

Длинными вечерами мы с ним и с одним художником из Вермонта (а на самом деле – потомком белорусских евреев – *Полом Свечарником*) долго беседовали на разные темы у камина. Вечера в тропических горах могли быть весьма прохладными, температура опускалась порой до плюс восьми градусов по Цельсию, и камин как нельзя лучше помогал нашим пространным беседам на политические и философские темы.

Помню, мы даже обсуждали, что стало бы с Россией, если бы к власти после смерти Ленина пришел не Сталин, а Троцкий. Я рассказал о знаменитом письме, где Ленин говорит о «нестерпимой грубости Сталина даже с товарищами по партии», а мои собеседники убеждали меня, что в авторитарном обществе человек, пришедший к власти, не может не быть тираном по определению. Да и восхождение тирана на трон всегда будет обильно полито кровью с самого начала. «И до самого конца», – подумал я тогда.

Более же всего я был благодарен пастору Джеффу за искреннюю просьбу о спасении душ моряков с подлодки «Курск» во время службы в середине августа 2000 года. Я попросил его об этом прямо в зале, при большом скоплении народа, на английском языке. Джефф сразу откликнулся, представил меня аудитории, попросил всех встать, закрыл глаза и прочел короткую молитву о наших ребятах, погибших, как писали некоторые СМИ, в результате торпедной атаки американской подводной лодки. Все, включая граждан США, молились вместе с нами, из зала не вышел никто...

ГВАТЕМАЛА

Работа в Национальном автономном Университете Гондураса была хороша тем, что оплачиваемые каникулы продолжались целых три месяца, и в конце года давали тринадцатую и даже четырнадцатую зарплаты! А плохо было то, что оформление контракта в связи с прохождением по всем компетентным департаментам и подписанием всеми ответственными лицами затянулось аж до августа 1993-го года... Бюрократии всех стран, объединяйтесь!

Для полноценной работы, особенно в университете, требовалось отличное знание испанского языка (хоть я и обходился на первых порах английским). Мы стали учить его сразу же, как только наладили быт. Тем не менее, вхождение в немногочисленные платежеспособные круги страны затягивалось, финансовая подушка уменьшилась до размеров последнего жареного блина, и мне пришлось самостоятельно наводить мосты с потенциальными заказчиками концертов. Ну, не сидеть же на шее у работавшей без каникул в оркестре жены??

По рекомендации одного из коллег по Департаменту Искусств университета я связался с артистическими кафе Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики. Для турне по Коста-Рике организаторы потребовали пробный концерт за мой счет. А вот в Гватемалу не только пригласили без прослушиваний и долгих переговоров, но и оплатили отель на время трех выступлений!

Обговоренного гонорара должно было хватить не только на то, чтобы поддержать семью, но и на некоторые экскурсии внутри страны, которую я давно хотел посетить. Не прошло и недели после того, как была дана реклама в местных СМИ, а я на автобусе уже доехал до пограничного пункта *Агуас Кальентес* (самолет хозяева кафе оплатить вежливо отказались, намекнув на итак сочный гонорар).

От границы до городка *Эскипулас*, откуда ходили автобусы до Гватемала Сити, нужно было преодолеть двенадцать километров. Идти пешком с гитарой и вещами по жаре не хотелось – не комильфо. Но иного средства добраться до города, кроме такси, местные власти «дальновидно» не предусмотрели.

Пришлось нанять машину за двенадцать *кетцалей* (местная валюта, названная так в честь почти истребленной из-за роскошных хвостовых перьев птицы), и через полчаса я уже был в автобусном терминале Эскипуласа. Перья кетцала в виде шикарных головных уборов желающие всегда могут увидеть не только на гватемальских банкнотах, но и на многочисленных фресках древних городов.

До столицы, как сообщил мне зевавший от хронической скуки кассир, отсюда было около четырех часов езды. Но это только в том случае, если бы сама поездка была без вынужденных остановок. А остановиться автобус мог по многим причинам.

Например, во время сезона дождей в горах частенько бывают обвалы и оползни. Не дай Бог один из них завалит дорогу – тогда я вряд ли доберусь до столичного отеля к вечеру! Да и не только камни с грязью, как выяснилось впоследствии, могут перекрывать шоссе.

Первый крупный по местным меркам город на нашем пути назывался *Сакапа*. Их много, всяких таких «сакап» разбросано по дорогам Латинской Америки. Но именно этот стал родиной знаменитого гватемальского рома под одноименной маркой.

Ром я уже пробовал, проникающий во все поры запах забродившего тростникового суслу тоже мне был знаком, так что можно было продолжать путь, не задерживаясь на экскурсии. Автобус постоял минут двадцать под навесом, выклянчил еще несколько пассажиров и выехал на дорогу, ведущую из столицы страны в ее главный порт на Карибском море – *Пуэрто-Барриос*.

Пейзаж по обочинам практически не менялся – везде поросшие соснами холмы, так что я довольно быстро задремал. Мотор обнадеживающе урчал, автобус взбирался все выше и выше

по серпантину, и я мирно посапывал до тех пор, пока мы не стали спускаться в очередную долину и останавливаться буквально через каждые пять-десять минут.

Дело в том, что шофер начал подбирать пассажиров прямо с дороги. Это, видимо, здесь являлось делом вполне себе обычным, и никто особо по такому поводу не заморачивался. Плюс стало появляться намного больше узких мостов, где нужно было уступать дорогу встречному транспорту, да и ремонтные работы кое-где велись. Так что, чем ближе к столице, тем чаще остановки.

Каждый раз, когда автобус останавливался, нас, как мухи котлету, облепляли торговцы всякими съестными припасами. Здесь была и всевозможная выпечка, и пакетики с орешками и кусочками зеленого незрелого манго, и *quesadillas* – лепешки с соленым сыром, и даже местный виноград, отнюдь не традиционная для этих широт ягода. Продукты свисают у торговцев отовсюду – с шеи, рук, ног, мотаются вокруг их тел, как обруч вокруг талии прекрасных акробатов, но, почему-то, ничто, ни у кого не падает даже при такой повышенной активности.

Поразительная ловкость. Может, они и вправду раньше работали в цирке шапито?

И вот продавцы всем миром берут очередной, то есть наш, автобус на абордаж, прут тараном по проходу меж кресел, громко рекламируют свой товар, заглядывают в глаза, нашептывают в уши, но я вежливо отказываюсь от всего этого разнообразия по причинам банальной гигиены. Очень, знаете ли, не хочется искать потом уединения в придорожных кустиках! Однако вежливость моя воспринимается, видимо, как нерешительность или даже, наоборот, как желание набить себе цену, и продавцы с удвоенной силой кидаются на штурм кошелька.

Чтобы только отвязаться от их назойливого роя, я осторожно выбираю у одного алюминиевую (хоть какая-то гарантия соблюдения санитарных норм!) банку лимонада. Остальные

разочарованно ретируются, в душе, наверняка, матеря голубоглазого гринго за неподобающую скупость.

Народ в автобусе раскупает товар с видимым удовольствием, как простое средство от дорожной скуки, и немедленно начинает эту скуку изгонять, активно поглощая приобретенное. Так, не переставая жевать, глотать и запивать проглоченное, мы потихоньку продвигаемся к столице, на очередной остановке пополняя запас противоскучных средств и комментируя редкие события, происходящие по ту сторону автобусного стекла.

Мои сегодняшние попутчики, в основном – *ладино* (или – *латинос*, как называют в США всех выходцев из Латинской Америки), кроме пожилой пары индейцев майя. Индейцы держатся особняком от остальных и переговариваются между собой на одном из многочисленных диалектов, оставшихся им, вместе с безвылазной нищетой, в наследство от легендарных предков.

В Гватемале шестьдесят процентов населения – индейцы и *негры-гарифуна*, майя составляют две трети от их общего числа и делятся на три основные группы: *Киче* (*K'iche'*), *Какчикель* (*Kaqchiquel*) и *Кекчи* (*Qeqchi'*). Так что понять, о чем они там меж собой переговариваются, нет никакой возможности не только для меня, но и для всех остальных присутствующих. Ну, и пусть.

Остальные, то есть, ладино, сразу же начинают трещать, что твои воробыи на колхозном гумне во время обмолота зерна. Обстановка в салоне, если не обращать внимания на испанский язык, местную одежду и цвет кожи пассажиров, вполне соответствует доверительной атмосфере какой-нибудь дачной электрички Савеловского направления, где еще до выезда за МКАД все перезнакомились, а на подъезде к Белому Городку уже и начали находить общих родственников, да друзей-подруг.

Мотор тем временем переходит сперва на повышенные тона, затем на откровенный рев, и мы со всего ходу вдруг оказываемся на краю внушительного ущелья с блестящей где-то в полукилометре внизу справа от нас речкой. Дорога забирается еще выше, и с этой высоты начинают открываться во всей красе рассеченные трещинами гигантских провалов горные хребты – немые свидетели бушевавшего здесь когда-то в палеозойскую эру великого землеустройства. Ущелья слишком широки, чтобы соединять их края мостами, и необозримо глубоки, чтобы засыпать их оползневыми камнепадами даже на протяжении тысячелетий.

Дорога, как и на любом горном серпантине, то нависает над очередным обрывом, то жмет к очередной скале и тогда кажется, что наш автобус не сможет вписаться в очередной поворот, и мы сейчас полетим вместе с ним и со всем нашим скарбом в очередные палеозойские тартарары!

Однако, шофер автобуса, пожилой усатый дядька в распахнутой на волосатой груди рубахе, выглядит абсолютно спокойным и уверенным в себе и в надежности ведомого им «Форда» – гордости американского автопрома. Эту непоколебимую его уверенность не может потревожить ничто и никто, даже редкие лихачи, обгоняющие нас на коротких прямых участках дороги, а уж тем более какие-то изгибы Центральноамериканских гор.

Начинаем постепенно спускаться по серпантину, и тут я замечаю, что нам уже почти полчаса как не попадаются встречные машины. То есть, вообще никакого транспорта на левой стороне. Съезжаем в долину. До города, похоже, отсюда уже недалеко потому, как отдельные домишки по обочинам начинают помаленьку формироваться в непрерывный уличный строй. А чуть попозже показывается и второй от дороги уровень застройки.

Меж тем, шофер начинает сбавлять скорость, выпускает какое-то длинное замысловатое ругательство, притормаживает, а потом и вовсе выключает мотор, чуть не уткнувшись бампером в кузов стоящему впереди грузовику с крупным рогатым скотом. Одна из буренок, просу-

нув любопытную морду за доски ограждения над бортом, даже пытается облизать его волосатую грудь через лобовое стекло. А, может, и пощипать ее вместо недосыгаемой из грузовика травки... Пассажиры немедленно высовывают головы в окна автобуса и пытаются разглядеть причину неожиданной остановки, попутно глотая поднявшуюся с обочины обильную пыль.

Так и есть. Мы в конце огромной, уходящей за поворот, вновь вынырнувшей за углом и продолжающейся потом до самого горизонта очереди из разнообразных автомобилей. Шофер наш открывает дверь, берет с панели початую пачку сигарет, выходит из кабины, и, судя по тому, как неторопливо он это делает, я начинаю сильно сомневаться в возможности получить сегодня на ночь свежую постель.

«*Estos culeros me tienen chingado hasta la coronilla!*» (переводимый, но отнюдь не литературный фольклор), – громко жалуется он группе таких же недовольных задержкой водил, скучковавшихся прямо посередине шоссе. Они одобрительно кивают головами, поддакивают, оживленно жестикулируют, что-то комментируют, и вообще всячески выражают коллеге свои профессиональные симпатии. Шофер закуривает и присоединяется к эмоциональному обсуждению положения дел на дороге, в стране, а заодно и вообще во всем гребаном Центрально-американском регионе!

Кто-то из наиболее активных (наверняка, член шоферского профсоюза) размашисто идет от закрывшего перспективу поворота в нашу сторону. Не дожидаясь пока он достигнет собравшихся, те кричат ему, мол, что там, за поворотом? Там, за горизонтом?? «Там, там-тарам, там-тарам», – отвечает нараспев опрашиваемый. Но нет, это я пою про себя песенку «*Самоцветов*» о багульнике на сопках с досады, что не удастся мне, горемычному, отдохнуть по-человечески после целого дня езды в сидячем положении.

Посланец доходит, наконец, до группы, что-то докладывает собранию, размахивая руками и тыкая поверх голов указательным пальцем. Видимо, пытается объяснить остальным размеры постигшего их бедствия.

Потолковав с коллегами еще несколько минут, оценив поступившие разведданные и выпустив произведенный ими пар недовольства, наш шофер возвращается в автобус и сообщает радостную весть, что впереди какие-то «*cochinos*» (поросята) положили через дорогу баррикаду из старых покрышек и прочего мусора. А для усиления визуального и ароматического эффектов все это дело подожгли. Стало быть, пока не приедет кто-нибудь из правительства и не выслушает требований протестующих, проезда не будет.

Есть, правда, и другой вариант. Это если приедет не правительство, а представляющие его в таковых ситуациях полиция или армия, даст протестующим хороших люлей, вместо удовлетворения выдвигаемых ими притязаний, и очистит проезжую часть от горящего хлама. А, заодно – и от набросавших его.

Народ в автобусе, привыкший к такого рода манифестациям, спокойно поднимается со своих кресел и организованно выходит искать в придорожных кафешках привычные средства борьбы со скукой. Забегаловок вдоль дороги и, правда, хоть пруд пруди. Окна везде распахнуты для лучшего обзора все той же выпечки, орешков, манго и т.д., но есть также и *tortilla con frijoles* (лепешка с фасолью) и жареные *platanos con mantequilla* (жареные бананы со сметаной).

Я даже вижу в одном едальном заведении *nacatamales* – рождественские коврижки из кукурузной массы с кусочками вареного куриного мяса и черносливом внутри. И все, абсолютно все эти запыленные общепитовские учреждения увенчаны, как короной, рекламой вездесущей и всепроникающей «Кока-Колы». Глобализация!

Выйдя со всеми остальными, кроме индейской пары, пассажирами из автобуса, я направляюсь вдоль дороги, пытаюсь найти более-менее чистую лавчонку. Наивняк! Чистые в них только зубы хозяек, широко показываемые в дефиле заманивающих улыбок долгожданным покупателям.

«Так вот оно в чем дело!», – вдруг осеняет меня уже вторая за день гениальная догадка: – «Вот они-то, хозяева кормежек, и есть главные интересанты закладываемых поперек шоссе баррикад!». Ладно, ничего личного, улыбаюсь я в ответ и покупаю еще одну алюминиевую банку с жидкостью. На сей раз это пиво.

К концу дня в горах свежее. На этой высоте температура может ночью опускаться до восьми, а то и пяти градусов по Цельсию, резко контрастируя с климатом лежащих в каких-нибудь ста километрах отсюда долин. Долины эти дивные, некогда сплошь покрытые непроходимой сельвой, простираются от центрального *altiplano* (плато) через весь *Юкатан* на север вплоть до мексиканского *Канкуна*, и на восток до побережья Белиза и Гондурасского залива.

Натянув на себя свитер, я не спеша потягиваю пиво, грызу любимые мной орешки *мара-ньона* (которые в России зовут кешью), а темнота тем временем уже выползает из ущелий.

В горах смена дня и ночи происходит быстро, я бы даже сказал – стремительно. И далеко не во всех деревнях есть свет. Солнце резво выныривает из-за вершины утром, побуждая обитателей земных к исполнению дел насущных, и так же резво ныряет за какую-нибудь горную сьерру на закате, оставляя бедолаг на вынужденное бдение при свечах.

Неожиданно по встречной полосе с заунывным воем пролетает полицейская машина, по пятам за ней мчится скорая помощь, по-местному – *ambulancia*, и народ, повинувшись выработанным годами рефлексу, начинает резво подтягиваться к автобусу, дожидаясь на ходу.

Шофер тоже быстренько поднимается в кабину, заводит мотор и сигнализирует замешкавшимся пассажирам, побуждая их поторопиться. Наконец, все рассаживаются, и мы медленно трогаемся, нагоняя уже отъехавший метров на пятьдесят от нас грузовик с ласковыми печальными глазами буренками. Они салютуют нам жалобным мычанием, как товарищам по несчастью.

Двигаемся шагом километр, другой... Начинает налетать дымок с характерным привкусом жженой резины, разноцветные мерцающие огни припаркованных машин полиции и пожарных всполохами освещают окрестности. Клубы дыма уже не рассеиваются в воздухе, и мы так проезжаем злополучную баррикаду.

Полицейский в шлеме с поднятым защитным стеклом и белых мотоциклетных крагах по локоть пытается регулировать любопытных водителей, притормаживающих, чтобы получше разглядеть горящие декорации прошедшего представления. У него это плохо получается, он то и дело раздражается залихватскими трелями, потом вынимает свисток изо рта (средство явно не оправдало себя), что-то орет очередному водителю прямо в ветровое стекло его кабины, и мы, наконец, оставляем позади репетиционную сцену маленькой гватемальской революции.

В облепившей мир темноте въезд в город происходит незаметно, и только мгновенная вспышка фонарного света над начавшейся двух полосной магистралью с бульваром посередине оповещает нас о том, что цель близка.

Довольно быстро доезжаем до центра города. Он похож на все центры колониальных столиц бывшей испанской мега-империи. Прямые, сдавливаемые только природным рельефом, кварталы с двух и трехэтажными каменными домами, узкие улочки с односторонним движением, и кучи бытового мусора повсюду.

Весь город для удобства разбит на административные зоны, и мы, если не ошибаюсь, прибываем в Первую. Гудит паровоз: где-то рядом железнодорожный вокзал. Народ побогаче редко появляется в таких исторических местах, разве только посещает в случае крайней нужды какой-нибудь офис, да собственный магазин или гостиницу, доставшуюся по наследству от прадедушки.

Гуляют по тесному центру обычно только экзальтированные и не до конца оципаные пронырливыми карманниками туристы. Постоянные обитатели современных центров латиноамериканских столиц – это, в основном, мелкие клерки, наемные рабочие, местные индейцы, да занесенные в Красную книгу владельцы колониальных домов. К индейцам я и обращаюсь с невинным вопросом о месторасположении моего отеля. Недалеко от артистического кафе, говорю.

Но индейцы в соломенных шляпах и их жены в ярких тканых одеждах с торчащими из-за спин глазастыми детьми, кажется, совсем не понимают по-испански. Или не ночуют в отелях. Или не представляют, что это за хрень такая – артистическое кафе?!

А может, просто считают ниже своего достоинства разговаривать с первым встречным гринго в вызывающе коротких шортах. Попробовав повторить попытку еще пару раз с тем же успехом, я решаю просто пойти «вдоль по Питерской»! Или, там, вдоль по *Cuarta Avenida hasta la Septima Calle*. Куда уставшие ноги выведут!

Ноги выводят меня, перво-наперво, к кучке человеческих экскрементов прямо на углу узенького тротуара. Приходится сойти на мостовую и вообще включить расширенное сканирование местности, включающее как вывески заведений надо мной, так и поверхность под

ногами. И что бы вы думали? Буквально через пару кварталов, за углом непрезентабельного на вид магазина, показывается забронированный для меня отель.

Чистенько, вежливо, включен завтрак. А что еще надо уставшему за долгий-предолгий день путешественнику, к тому же едва не ставшему невольным свидетелем начала свеженькой гражданской войны??

Благодарю Бога за конец дорожных испытаний, принимаю душ и укладываюсь. Завтра встречусь с пригласившими меня хозяевами площадки, проверю акустику помещения, а потом...

Потом меня ждет свидание с первой, и до сего дня единственной, столицей всей Центральной Америки, а точнее – Генерал-Капитанства Их Всехристианнейших Величеств Католических королей Кастилии и Леона, и Арагона, etc, etc, Изабеллы и Фердинанда – славный город *Антигуа*!

АНТИГУА

Оказывается, что с той же площади, куда мы прибыли поздно вечером накануне, автобусы отправляются почти во все департаменты страны. По крайней мере, именно такую информацию мне выдал набриолиненный до зеркального блеска, с безупречным пробором и улыбающийся самым ослепительно-голливудским образом хозяин кафе по имени Родриго де ла Вега.

Само помещение мне понравилось. Сцена, вернее – подиум, расположена почти в центре. Второй, на деревянных сваях, этаж, опоясывающий по периметру не слишком большой зал, позволяет почти удвоить число клиентов, не удаляя их от исполнителя. Звук должен доходить без искажений до всех слушателей, и мне не придется использовать микрофон.

Выхожу на воздух, вспоминаю, откуда вчера пришел к отелю и с уверенностью направляюсь в сторону автобусной стоянки. Утро не украсило ярким светом, как «стены древнего Кремля», узкие столичные улочки. Только всяческий мусор, да еще похожие на вчерашнюю кучку продукты жизнедеятельности человека и животных становятся заметнее, а значит, и безопаснее для праздных гуляк.

Быстро нахожу нужную площадь, спрашиваю у каких-то ладино, где здесь автобус на Антигуа, они дружно машут руками в сторону, и я вижу свое транспортное средство.

Восторг предвкушения экскурсии от вида древнего, похожего на спичечный коробок автобуса, напоминающего блаженной памяти отечественные ПАЗики, тут же куда-то исчезает. Да, это явно хуже того, на чем я добирался в столицу вчера. Интересно, а как у этого ископаемого с тормозами?

Осторожно захожу в автобус, осматриваюсь и, обнаружив помимо себя, еще нескольких бледнолицых, немного успокаиваюсь. В самом деле, если другие европейцы и гринго не побоялись залезть в это чудо времен второй мировой, то чего же и мне беспокоиться? Как-никак, мы из «Расеи, от Волги и до Енисе-ееяяя!», как справедливо выразилась когда-то после удачного опохмела одна из наших эстрадных «звезд».

Ждем, пока коробочка не заполнится до отказа такими же, жаждущими свидания с древней столицей Генерал-Капитанства, туристами и едущими по своим делам ладино. На самом деле, набор пассажиров происходит довольно таки быстро. И это хорошо.

Потому, что через полчаса внутри уже становится нечем дышать. Народу набилось порядочно, солнце стоит почти в зените, металлическая крыша прокалилась до уровня готовой к жарке блинов сковородки, а окна автобуса явно предназначены к поездкам по гораздо менее солнечному и более ветреному Иллинойсу.

Наконец, шофер заводит мотор, жмет на газ и трогается, даже не закрыв входной двери. Из нее вскочивший уже на ходу в автобус кондуктор продолжает зычно зазывать пассажиров до Антигуа. Не знаю, как чувствуют себя те, кто залез в автобус последними, но я, сидя где-то посередине салона, на безопасном расстоянии от дверей, благодарю небеса за потоки орошающего мое употевшее тело свежего воздуха. А высунувшийся из двери кондуктор (по-местному – *cobrador*) на встречном ветерке балдеет, как в гамаке меж двух сосен на склоне горы!

Автобус, нырнув под мост, выезжает на бульвар, густо засаженный королевскими пальмами, декоративными кустарниками посередине и коммерческими зданиями по бокам. Банки, автосалоны, супермаркеты, кабинеты пластической хирургии, частные стоматологические клиники и прочие престижные заведения облагородили, как умели и насколько им позволил их «скромный» бюджет, прилегающее пространство.

Час не ранний, но на выезде из города пробок практически нет. Дорога после окончания бульвара карабкается вверх, петляет между утопающих в густейшей зелени особняков и элитных жилых комплексов. Что ж, похоже, здесь, как и везде в мире, народ побогаче бежит из центра в пригороды, спасаясь от грязи, вони, тесноты и надоедливых попрошайек, будь они коммивояжеры или просто бедняки.

Через несколько минут с левой стороны открывается потрясающий вид на обрамленную горными грядами долину с втиснутым в нее со всего размаху мегаполисом, поневоле заставляя отвлечься от дороги и придорожно-архитектурного великолепия.

А она, дорога, определенно заслуживает к себе самого пристального внимания и не прощает даже легкого пренебрежения. Напоминанием о неотвратимом наказании за измену служат два сгоревших дотла на дне ущелья остова грузовиков.

На начавшемся через какое-то время спуске то и дело попадают призывы, типа «тормози мотором» и «до аварийного съезда 200 м», после которых ответвления уводят в сторону от шоссе и заканчиваются резким подъемом или просто грунтовой стеной. Повороты становятся все больше похожими на центрифугу, и на каждом из них автобусная белолицая компания ухает, как на аттракционных каруселях, а бывалые ладино только посмеиваются себе в усы, поглядывая на бесполезных гринго.

Наш Шумахер, похоже, и не собирается притормаживать даже тогда, когда на очередном центрифужном витке колеса с одной стороны его болида почти отрываются от полотна, и кто-то, явно беременный, вскрикивает утробным голосом от испуга. Едва не вывалив содержимое

своей коробки вместе с роженицей и азартно ухающими бледнолицыми, водила так доводит автобус до длинного прямого участка, в конце которого брусчатка сменяет асфальт.

Зуб теперь не попадает на зуб, но слава Богу, что от новой столицы страны до старой всего-то около часа езды! Было бы больше – я бы точно забрызгал кого-нибудь из моих соседей гостиничным завтраком.

На брусчатке шофер тотчас сбрасывает скорость, и мы почти сразу же оказываемся на тихой улочке среди высоких деревьев, скрывающих в своей тени каменные заборы старых монастырей и конвентов. Всепоглощающее спокойствие, разлитое веками по кварталам колониального городка и его застывшая в напоенном кипарисами воздухе отрешенность от всяческой земной суеты утихомиривают на минуту даже буйных гринго.

Тишина, однако, остается лишь приятной мимолетностью после высадки из автобуса на рыночной площади недалеко от исторического центра. Рынки и рыночки в этом, ставшем туристической Меккой Гватемалы, городе, возникают под чутким руководством местного начальства везде. Особенно там, где есть открытые для всеобщего обозрения колониальные достопримечательности и толпы голодных на впечатления иностранных туристов. И того и другого здесь полно.

Помимо центральной площади с ее обязательным кафедральным собором, дворцом капитан-губернатора и *ayuntamiento* – ратушей, город изобилует соборами поменьше, часовнями, религиозными колледжами и прочими старинными зданиями, создающими полную иллюзию пребывания в испанской колонии времен пост конкисты. Усаженные вековыми *сей-бами*, кедрами и высоченными королевскими пальмами дворы и улицы старых кварталов прелестно вписываются в общий ландшафт долины, обрамленной по периметру зеленеющими и, на первый взгляд, такими умиротворенными вулканами.

Мир этой столицы, основанной через несколько лет после завоевания *Теночтитлана* (ныне – Мехико) *Эрнаном Кортесом*, тем не менее, нарушался подземными силами не раз и не два. Да так, что в XVIII веке, после очередного землетрясения, забравшего жизни почти всего наличного населения, включая испанских чиновников, столицу решено было перенести в то место, где она по сию пору и находится.

Да и какой мир мог существовать в городе, заложенном ближайшим сподвижником вора, предателя и несостоявшегося висельника Кортеса, его талантливым помощником и учеником доном *Педро де Альварадо*? Или, как его прозвали сжигаемые заживо и отдаваемые им на растерзание испанским догам индейцы гватемальского плоскогорья – *Рыжим Педро*.

Альварадо был направлен Кортесом на завоевание Гватемалы после того, как в бухгалтерских книгах покоренных ацтеков был обнаружен подробный расклад того, когда, сколько и что именно должны были отправлять в виде дани индейцы киче в Теночтитлан. Когда киче прознали, что последний правитель ацтеков *Монтесума* пал смертью храбрых на переговорах о сдаче города, они решили, что платить больше некому и закатили по этому поводу веселенькую пирушку!

Рыжий Педро быстренько собрал отряд худородных, но жадных до золота и серебра идалго, численностью аж в четыреста душ, и отправился к смутьянам на разборки в их столицу *Утатлан* (современный *Кетцальтенанго*). Хитромудрый конкистадор понимал, что числом воинственных киче ему не одолеть, а посему заключил союз с их врагами – какчикель. Те развязали партизанскую войну в окрестностях столицы, отрезав осажденных от всех ресурсов. Утатлан пал, уцелевшие киче и ненужные теперь какчикель были превращены в рабов, а победители «хорошенько погуляли» на развалинах города.

А еще Рыжий Педро был весьма примечателен (даже среди безвозвратно дуревших от близости золота испанцев!) не только своей патологической жадностью и жестокостью, но и, прямо таки, дьявольской ловкостью.

Когда восставшие хотели пустить рыжебородому кровь с целью облегчения выхода его грешной души из брэнного тела, тот воспользовался копьем, как шестом для прыжков в высоту, и таким вот неслыханным доселе методом упорхнул от своих краснокожих лекарей!

Сиганул дон Педро не хуже, чем сейчас это делает несравненная Елена Исинбаева, перепархивая с неземным изяществом через очередную планку. Но, надо отметить ради исторической справедливости, что сотворил он сей кульбит гораздо раньше, чем это стала проделывать прекрасная Елена. Вот таким весьма изящным способом дон Педро и вышел, или, вернее, вылетел в тот раз сухим из воды, а подвиг его вошел в анналы истории, как «Альварадов прыжок».

Онемевшие от изумления индейцы так и застыли, забыв о самой цели проводимого ими мероприятия. Очнувшись, бедолаги даже и не подумали догонять родоначальника нового вида спорта, наверно, сразу приняв испанца за земное воплощение их бога, пернатого змея *Кетцалькоатля*.

Первые из туземцев, встретивших конкистадоров близ современного мексиканского *Веракруса*, тоже поверили было, что на землю из небесной лодки под парусами высадились бледнолицые бородатые боги. Но бородачи не подарили шоколад и кукурузу аборигенам, как когда-то это сделал Кетцалькоатль.

Упокоился прыгающий змей дон Педро уже в Мексике, близ веселого города *Гуадалахары*, сброшенный наземь собственной лошастью, не пожелавшей более носить на себе такую мразь.

Эпитафию ему, а заодно и всем остальным Кортесам, *Писарро*, *Бальбоа* и *Педрариасам*, написал монах-доминиканец *Бартоломео де Лас Касас* в своем фундаментальном труде «*История Америк*», метафорически отправив ненасытных идальго напрямик туда, откуда они повыползали на Землю, то есть – в ад.

С ним, кстати, не согласился один из индейских вождей по имени *Атауэй*. Будучи пленным конкистадорами и подготовленный к поджарке заживо, этот мудрый воин был исповедан перед казнью неким монахом, обещавшим ему в случае его добровольной баутизации отправиться сразу после сожжения в рай. «А куда отправятся после смерти испанцы?» – спросил дальновидный вождь. «Тоже в рай!» – отвечивал священник. «Ну, тогда я предпочту ад», – сказал Атауэй и не стал креститься.

Как бы то ни было, именно дон Педро де Альварадо, этот новоиспеченный Генерал-Капитан и стал отцом-основателем Антигуа. На месте первого поселения, стертого брезгливой отрыжкой вулкана почти сразу же после его возведения, сейчас находится деревня по имени *Villa Vieja*.

Ну, а после дона Педро, убежавшего искать себе на одно место новых приключений, городом продолжала править его сожительница, донья *Беатрис де ла Куэва* – родная сестра предыдущей его избранницы. И правила она им вплоть до того момента, пока окончательно потерявший терпение вулкан Агуа, вняв горячим мольбам индейских жрецов, не смыл недавно перенесенный в новое место город (а заодно и всю капитанскую семейку!) мощным потоком из грязи, лавы и камней.

Отстраиваемый не раз заново и недавно отреставрированный Министерством туризма Гватемалы, городок сейчас привлекает множество любителей приключений со всего белого света. Исторический центр изобилует не только свежевыкрашенными колониальными зданиями, но и молодежными *hostel* (общежитиями), берущими со своих гостей чисто символическую плату за койко-место.

Правда, атмосфера этих общаг, напоенная в любое время дня и ночи дымком от *colitas* и гитарным перезвоном, может и не понравится некоторым состоятельным туристам. Но их туда никто и не тащит. Несите ваши денежки в *Ramada* и *Holiday Inn*, если вам так хочется. А я, если приспичит, останавлиюсь сегодня здесь.

В Антигуа полным-полно кафе, уютно свернувшихся в *patio* (внутренний двор) двухэтажных особняков в андалузском стиле. Небольшие дворики, убранные яркими драпировками из тканей, производимых прямо на улице за углом, журчащий посреди булыжного пола миленький фонтанчик, неспешнодвигающиеся *tuchachos* (здесь – официанты) с белыми полотенцами за поясом – все это умиротворяет, настраивает на созерцательно-философский лад...

В кафе подают настоящий, выращенный неподалеку и высушенный под солнышком прямо на придорожной обочине, кофе и горячий *chocolatl'* (шоколад) – любимый напиток доколумбовых обитателей высокогорных плато Мексики и Гватемалы. Я обожаю неспешно смаковать шоколад в таких местечках, передвигаясь вместе с термобокалом под широким, протянутым по всему периметру второго этажа балконом, защищающим обитателей *patio* от прямых солнечных лучей в любое время дня.

По вкусу шоколад напоминает какао, поскольку приготовлен из семян этого тропического плода, но, в отличие от одноименного напитка, он более горек. И намного более тягуч. Ацтеки и майя пили его в особых случаях, празднуя победу над соседями или оказывая почтение гостю.

«А не плохо бы в процессе дегустации любого напитка еще и сервировать для полноты ощущений воздух местности, где напиток этот был произведен. Без этого оценка вряд ли будет

адекватной, а удовольствие полным», – так размышляю я до тех пор, пока на дне толстого бокала не остается только коричневая гуща. Ленивый шмель с трудом отрывается от цветка наполеона, завоевавшего полстены дома, а я с неохотой покидаю философский патио и иду в гости к ткачам.

На небольшой площади напротив кафе несколько женщин киче разложили лотки со своей продукцией. Чуть поодаль две их соплеменницы ткут свои ярчайшие ткани, привязав готовый конец к стволу королевской пальмы и периодически передвигая планку с новым переплетенным слоем к нему наверх. Наверно, так же делали их прапрабабушки еще в те времена, когда всякими рыжебородыми донами и *ruso turista* здесь и не пахло.

Я пытаюсь заснять на камеру процесс появления на свет скатерти или что там еще выйдет из куска материи, но ткачиха оборачивается ко мне в анфас и одаривает таким взглядом, что я срочно захотел купить у нее что-нибудь. «*I come to you, people, with peace*»! А то ведь, не дай Бог, так и новое восстание против бледнолицых захватчиков спровоцировать недолго. И, как показал вчерашний инцидент на дороге, восстания здесь вспыхивают с неподражаемой легкостью.

Перетряхнув ребенка в куске ткани у себя за спиной, женщина не спеша поднимается с колен, подходит и наотмашь заламывает такую цену за приглянувшиеся мне скатерть и салфетки, что я даже не хочу и пробовать торговаться, как здесь принято. Видимо, моя камера нанесла ее индейской идиосинкразии такой урон, что это даже затмило естественное желание нажиться на любопытном гринго. С позором ретируюсь, оставляя победительницу наедине с ее

монотонной работой, сопливыми детьми и кучей продукции, похожей, как две капли воды, на товар ее соседки. У которой я и покупаю все понравившееся мне дешевле раза в полтора.

Дело идет к вечеру, повторять в сумерках утренний аттракцион на дряхлом ПАЗике решительно не улыбается, и я окончательно решаю остановиться здесь на ночь. Иду в давешний хостел с франко-немецко-голландской компанией, отдаю неулыбчивой (кто ж улыбнется за восемь долларов с носа!) хозяйке деньги, знакомлюсь с некоторыми обитателями ночлежки и решаю угостить этих милых ребят местным пивком.

От *colita* с травкой, в честь знакомства предложенной мне долговязым белобрысым немцем по имени Патрик, благоразумно отказываюсь, ссылаясь на то, что я вообще не курю. Ребята и девчата в количестве пяти-шести человек натягивают на себя, что есть под рукой, похоже, не заморачиваясь особо по поводу того, кому из компании принадлежат одеваемые вещи, залезают в одинаковые адидасовские сандалии, и мы выходим на поиски напитков.

Во дворике ночлежки я заметил, помимо развешанной там и сям сохнувшей одежды, ржавую бочку, доверху наполненную пустыми банками из-под пива. Прикинув, что моя команда тоже должна была поучаствовать в ее наполнении, я прошу ребят довести меня кратчайшим путем до магазина, где можно недорого приобрести желаемое и сопутствующие хрустящие товары.

Так, с шутками и прибаутками на разных языках, мы в сумерках подходим к небольшому магазинчику. Хозяин уже собирался его закрывать, ибо расположен он несколько на отшибе, а ночью в Гватемале даже в туристическом городке можно запросто лишиться не только всей дневной выручки, но, и жизни иногда.

Крупные магазины и заправки, рестораны и дискотеки, работающие по ночам, всегда охраняются или вооруженными М-16 и АК-47 полицейскими или военизированной стражей. Надо отметить, что честь оберегать частную собственность предоставляется только мужчинам ладино. Деревенских сторожей из индейской глубинки с мачете и берданками, заряженными солью, в охранники не берут.

Под одобрительные возгласы моих новых знакомых я прошу хозяина дать мне пять *six-pack* лучшего местного пива, соленых орешков мараньона и кукурузных чипсов. «*Gallo es lo mejor!*» – подсказывают ребята. Я не сразу догоняю, при чем здесь петух (*gallo*), но когда вижу на прилавке первую упаковку пенного напитка, понимаю, что это есть марка местного пива, признанная моими новыми товарищами достойным потребления. Кстати, рекомендую, граждане – отличное светлое пиво, совсем не крепкое, и с ярко выраженным солодовым вкусом.

Затемно возвращаемся в ночлежку. Освещены только центральные улицы, но и на них как-то уж совсем мало гуляющего народу. Только пара похожих на нашу компаний, еще не отвыкших от привычной европейской безопасности в отнюдь не безопасной Центральной Америке, попадаетеся нам по дороге.

Через пару часов от пива и чипсов остается лишь икота, а глаза вообще перестают хотеть смотреть. Попрощавшись с компанией, карабкаюсь на второй этаж и плюхаюсь на старенький матрас, предварительно приоткрыв балконную дверку. Перед самым провалом в колодезь сновидений улыбаюсь невидимому жасмину и лунной подсветке изумрудного бока вулкана.

Завтра первый концерт...

ЧИМАЛЬТЕНАНГО

Оставив позади колониальные красоты и божественный *chocolatl`* Антигуа, я вернулся в столицу. Номер в отеле терпеливо ожидал моего возвращения из грязного хостела.

Какое наслаждение помыться в теплой воде и лечь на свежие простыни! Какое счастье, что я не подцепил в месте моего последнего ночлега какой-нибудь вирус или грибок!

Однако пора и делом заняться. После нехитрого обеда, состоявшего из хорошо прожаренных на решетке полосок стейка – *churrasco*, сваренного авокадо – *aguacate*, пары яиц и все-непременной красной фасоли, я немного отдохнул и сел повторить репертуар.

Арткафе встретило свежим постером работы какого-то местного художника с надписью «Будь твой партнер хоть ангелом – используй презерватив!» и изображением двух атлетических, *a la Michelangelo Buonarotti*, мужских тел в одной из поз *Камасутры*. Это и есть контингент завсегдатаев кафе??

Но деваться некуда! Да, к тому же, на концерт должен придти один из сотрудников местных НПО (неправительственных организаций), которые работают с индейцами майя в разных департаментах страны. Я, по рекомендации Родриго, перед обедом позвонил ему в офис, рассказал о своем интересе посетить гватемальскую глубинку и попросил о встрече.

Леопольдо, так звали моего визави, оказался невысоким молодым человеком лет этак тридцати-тридцати пяти, с черными, как смоль и заплетенными в косу волосами, орлиным, как на каменных барельефах в *Паленке*, носом и почему-то (наверно, из-за работы в НПО) в техасской ковбойской шляпе. Возможно, его организация финансируется каким-нибудь фондом из Техаса, и шляпу ему преподнесли в качестве сувенира. Не знаю. Я из деликатности не спросил.

Он осторожно со мной познакомился и вообще предпочел помолчать, пока я, представив «рекомендательные письма и отзывы», а также используя все свое красноречие, не объяснил ему, чего, собственно говоря, хочу. Переспросив раза два, не связан ли я с правительством страны, и получив отрицательный ответ, он, наконец, немного оттаял и даже милостиво принял предложенный мною кофе.

Индейцы, безусловно, имеют полное право быть недоверчивыми к чужеземцам в этой стране. Начиная с испанских конкистадоров, уничтожавших коренное население просто с тоски и несварения желудка, и кончая американцами, которые очень активно зарабатывали тут себе на новые небоскребы в Цинциннати, практически все белокожие приходили сюда только с одной целью – пожить. Так что стоило немалых усилий убедить моего собеседника в том, что я просто очень любознателен от природы и мечтаю посетить одно из этих бесчисленных «нанго», расположенных на *altiplano* – плоскогорье.

Леопольдо первый раз за весь разговор улыбается и сообщает мне, что приставка «тенанго» на языке майя означает буквально «на плоскогорье», а посему Кетцальтенанго, Чичикастенанго, Масатенанго, Уэуэтенанго и прочие просто указывают на местоположение этих городов относительно уровня моря. «Завтра в Чимальтенанго будет проходить церемония выбора новой королевы майя». – Сообщает он мне: – «Если хочешь, можем съездить, у меня там тоже дело есть». Охота была спрашивать!

Концерт проходит на «ура», Родриго, улыбаясь, подсчитывает выручку и щедро угощает меня местным ромом «Сакапа», целый ящик которого ему удалось продать. Мы расстаемся, крепко пожимая друг другу руки, до послезавтра. Это такой маркетинговый ход – дать молве разности по городу впечатления о концерте.

Ко мне на улице подходит с поздравлениями некий холеный сеньор в дорогом костюме, протягивает свою визитную карточку и, после пары вводных фраз, просит сыграть на юбилее его компании. На вопрос «когда юбилей?» отвечает: – «Да в сентябре уже!». Я ничего не имею против и предлагаю обсудить детали на трезвую голову. То есть, через день.

На следующее утро Леопольдо заезжает в отель на своей «Тойоте» *con paila* (открытый кузов пикапа), и мы отправляемся в путь. Такие авто очень популярны у небогатых земледельцев в здешних краях. Жалко, что эту модель японцы уже сняли с производства. Мотор объемом всего в тысячу кубических сантиметров позволяет существенно сэкономить на постоянно дорожающем горючем.

Однако, несмотря на свой скромный аппетит, в горку он нас тянет довольно-таки уверенно. А в кузове можно перевозить практически любые полезные грузы – от строительных материалов и овец, до людей. Только привязать к бортам покрепче, чтобы на повороте в кузов не повывлетали, болезные, и – *vamonos, amigo* (поехали, дружище)!

Пока едем, Леопольдо рассказывает о том, что майя только кажутся единым народом. На самом деле, они подразделяются на несколько племен, которые в прошлом жили внутри и вокруг этаких городов-государств под руководством локальных царьков и жрецов и частенько враждовали друг с другом. Вплоть до вырезания обсидиановым ножом, без анестезии, сердец из живых еще, но попавших в плен врагов.

Когда-то этим обстоятельством не преминули воспользоваться хитрые испанцы, типа Педро де Альварадо, сглаживая враждующие племена и уничтожая чужими руками своих соперников. *Divide et impera!*

Про киче и какчикель здесь уже говорилось. А вот кекчи покорились завоевателям только через двести лет после начала конкисты, сдав свою столицу *Петен-Итца* (современный Флорес) – последний независимый на Юкатане город, в 1697-ом году.

«А откуда тогда взялась королева?» – спрашиваю я своего гида после очередного поворота, заставляющего меня судорожно схватиться за ручку автомобильной двери и вспомнить позавчерашний вояж. И он мне рассказывает, что это скорее символическое мероприятие, чем реальная коронация. Как конкурс красоты у нас, только по-индейски.

Я задумываюсь на секунду, но почему-то так и не могу себе мысленно представить гордую даму из народа Какчикель, разгуливающую под свет софитов в бикини по подиуму. Наверно, она должна выглядеть, как крутобедрая кинозвезда Голливуда мексиканка *Сальма Хаек*, не иначе. Любопытно будет поглядеть!

Леопольдо терпеливо поясняет, что традиция существует с древних времен, когда девушек на этом конкурсе отбирали для участия в священных ритуалах жрецов майя. Существовал даже особый танец – *ak'ot*, представлявший трансмутацию танцующих в божества, служащие своего рода проводниками для установления контакта между реальным и потусторонним миром. Контакт этот очень важен даже для нынешних майя, как своего рода гарантия будущего урожая, продолжения рода, удачной сделки и т. п. А уж для древних это был просто основополагающий элемент их бытия.

И поскольку быть связующим звеном между мирами есть поистине непосильная ноша для простого смертного, то работа эта была, как правило, весьма скоротечной. За вредность на производстве в то время еще не додумались платить компенсации, всяких там санаториев-профилакториев тоже не существовало, и бедные избранницы сгорали на работе, как свечки перед рассветом.

Удостоверившись, что танцовщицы выполнили свою миссию по отслеживанию прохождения космических и земных временных циклов, и что ходатайство перед богами о благоприятных для народа решениях было услышано и благосклонно принято, жрецы устраивали новый конкурс красоты на замещение вакантных должностей. Совсем, как в современном мире.

– Слышал ли ты об эпосе нашего народа «*Пополь Вух?*», – спрашивает Леопольдо. Я признаюсь, что слышать-то слышал, но читать вот не читал.

– Там говорится обо всем в этом мире, – кивает он понимающе. – О том, как он был сотворен, как с трех попыток из разных ингредиентов были созданы люди, и как они эволюционировали. Это местами даже похоже на ваш ветхозаветный *Генезис*! – улыбается он. – А иногда напоминает индийскую «*Махабхарату*» с ее земной борьбой за власть при активном участии неземных сил.

Пораженный в самое сердце эпическими познаниями простого *guatemalteco* (гватемальца), я ничего ему не отвечаю по существу и только мычу что-то о том, что надо будет непременно почитать «*Пополь Вух*». К счастью, мы уже подъезжаем к Чимальтенанго, и это спасает меня от стыда дальнейшего испытания на знание эпосов великих народов древности.

Леопольдо напоследок инструктирует меня, как нужно вести себя в городе и немного обрисовывает особенности социального устройства современных майя.

Индейцы эндогамны, то есть не смешиваются с другими племенами, хотя сейчас эта традиция все больше утрачивает силу, и уже не редкость браки и с креолами, и с ладино. (Только про белых он почему-то умалчивает, и я сразу вспоминаю давешнюю гордую ткачиху из Антигуа!). В городах это проявляется в особом устройстве жилых кварталов, где несколько родов застраивают каждый свое собственное обособленное пространство, как правило, примыкающее острым углом треугольника к центру.

А центр, в который мы уже как бы въехали, начинается прямо с автобусной остановки напротив *Pollo Campero*, местного гриля, импортированного, как и весь ресторанный фастфуд, из США. По заверению Леопольдо, все, что примыкает к центру и находится под присмотром вооруженной полиции, является относительно безопасным местом для прогулок. Днем.

В другие кварталы, ревностно охраняемые околоточными надзирателями с мачете и свистками, заходить без сопровождения не рекомендуется. Просто чтобы не привлекать к себе повышенного внимания. «А как же насчет пообщаться с народом?» – спрашиваю я Леопольдо. Тот меня успокаивает – мол, всему свое время. А еще улыбается: – «А я разве не народ??»

Ладно, приглашаю я его отведать этих самых цыплят, поджаренных местными поварами по американской технологии, с картошкой фри и кетчупом в пакетике. Он с видимым удовольствием соглашается, и мы, таким образом, убиваем еще час праздности.

Потом отправляемся в невзрачный отель неподалеку, где с меня молча берут двадцать баксов, без просьбы предъявить паспорт и прочих формальностей, и выдают ключ от комнаты на втором этаже. А там уже и вечереть начинает, так что пора выдвигаться к католическому колледжу, где будет проходить ежегодная церемония избрания королевы майя – *Rumi'al Maya B'Ok'o*.

Идем туда неспешным шагом по не мощёной улочке. Рабочий день только что закончился, и подходящие один за другим автобусы ежеминутно извергают из себя толпы наемных тружеников, торопящихся домой к своим семьям. Они все для меня на одно лицо – низкорослые, черноволосые, в одинаковых рубашках и соломенных сомбреро (только у Леопольдо импортный вариант!),двигающиеся в неизменном режиме по своим ритуальным тропам уже несколько веков.

Японские авто и американские рестораны вторглись в их быт, как ледокол в торосы Арктики, или, если хотите, как римский акведук в жизнь Владимира Владимировича Маяковского – «весомо, грубо, зримо», но так и не смогли поменять жизненный уклад.

А еще я пытаюсь расспросить моего гида, почему в Латинской Америке индейцы всегда предпочитают жить в горах с их гораздо более суровым климатом и гораздо менее плодородными почвами? Так происходит и в соседней Мексике, и в далеких Боливии, Эквадоре и Перу. То ли климат тому причиной, то ли непроходимая сельва с ее избыточно-кислотными почвами, но население горных частей этих стран почти всегда преобладает над равнинным. Отсюда, кстати, и причина межобщинных конфликтов всех времен, доколумбовых и послегринговых – нехватка земель для культивирования при постоянно растущем населении.

Леопольдо пережил все прелести гражданской войны, тлевшей в этой стране, точно торфяники под подмосковным Воскресенском, десятилетиями. Сейчас, после падения берлинской стены и окончания идеологического противостояния США и СССР, brave американцы и уставшие от соревнований россияне более не поддерживают марионеточные правительства инкубационных диктаторов, и это снижает общий накал страстей.

И, хотя нынешние правительства «банановых республик» и по сей день продолжают успешно использовать наработанные технологии контроля вечно недовольных чем-то простолюдинов, времена, тем не менее, меняются в лучшую сторону. А уж после присвоения Нобелевской премии мира чистокровной майя *Ригоберте Менчу*, бдительное око правозащитных организаций зрит в оба и, чуть что, сразу подымает волну в СМИ, не позволяя местной элите вволю, как бывало в незабвенные семидесятые-восемидесятые годы прошлого века, покуражиться над простым человеком.

Доходим с Леопольдо до колледжа. Оттуда доносятся звуки маримбы – инструмента, похожего на ксилофон, только гораздо более массивного и сложносоставного. Ее предок приехал сюда из Африки вместе с чернокожими рабами, и так понравился креолам и метисам, что стал воистину их народным инструментом. Напрасно негры-гарифуна претендуют на выплату им авторских прав по родовым патентам – всем многочисленным ансамблям маримбистов на их притязания глубоко наплевать.

Внутри колледжа, а, если точнее, на его баскетбольной площадке, сооружен обширный деревянный подиум, роскошно задрапированный уже знакомыми мне тканями ручной работы, государственными флагами и полотнами с национальной символикой Гватемалы. Подиум сделан в форме буквы «Т», на одном конце которой расположилась трехчастная маримба, в купе с метровым тамбором и маракасами, а на другом – стол для жюри.

Претендентки должны пройти от основания буквы до ее макушки, остановиться там и постоять в ожидании всестороннего осмотра приемной комиссией. Дородный синьор в белой рубашке с расстегнутым воротом что-то говорит в микрофон, стоящий у жюри прямо на столе. Звучат слова на непонятном мне языке, и я прошу Леопольдо перевести. «*At Tzáqol, at Bítol!*» – это обращение к нашим богам, – поясняет он. – Мы просим их о мире, о помощи, о прямом пути, о рассвете, о продолжении жизни и так далее. Это молитва». Так, понятно.

– А кто синьор?

– Алькальд Чимальтенанго.

– А где же конкурсантки?

– Терпение, еще даже жюри не вышло.

Тоже понял. Ждем-с.

Выступают с приветственным словом еще несколько человек, выходит и представляется персонально жюри, занимают свои почетные места победительницы прошлогоднего конкурса (как здорово, что теперь они не участвуют в сакральных ритуалах!) и объявляется, наконец, выход первой претендентки. Она неторопливо поднимается по ступеням на подиум, подобрав подол своей длинной юбки, и ждет, когда маримба начнет ей аккомпанировать.

Мы с Леопольдо сидим во втором ряду трибуны, прямо напротив середины подиума и посему имеем великолепный обзор. Девушки, поясняет мне гид, должны сами сшить себе конкурсные облачения из ими же сотканной ткани. Наряд этот закрывает скромниц от людских взоров полностью, от легких сандалий из свиной кожи – *caitas* – вплоть до самой шеи. Снаружи буквально остается только одна голова, и даже глаз на ней, ну, никакой возможности разглядеть нету, поскольку они целомудренно потуплены в пол!

Конкурсантка тем временем дождалась начала музыкального сопровождения и медленно двинулась по помосту навстречу своей судьбе. Шаг ее замысловат, с пританцовыванием в такт музыке, с полуоборотами на обе стороны подиума – ни дать, ни взять Царевна-Лебедь! Только что крыльями, то есть, пардон, рукавами не взмахивает.

При полуоборотах из-под накинутой на плечи шали приоткрывается белоснежная блуза, или, точнее, верхняя часть нательной рубахи – *uipil*, а огромные золотые серьги, нещадно оттягивающие мочки ушей индейской красавицы, слегка покачиваются на каждом шагу. Чтобы серьги эти были хорошо видны всем присутствующим, черные волосы не просто убраны в тяжелые косы, но еще и аккуратно уложены поверх головы конкурсантки.

А венчает всю эту Эйфелеву башню сложноописуемый головной убор, больше всего напоминающий мне причудливо уложенную штуку полотна в текстильном магазине. Такая конструкция заставляет юную деву держать свою голову в строго вертикальном положении, в точности так, как это делали придворные дамы на версальских куртагах!

Дойдя примерно до середины помоста, претендентка неожиданно останавливается. Музыка тоже замирает на полупразе, с поднятыми над маримбой палочками (наверно, все-таки волшебными!), и на этом замахе маримбиста в зале возникает неожиданная тишина. Что-то сейчас будет?

Я забываю до конца закрыть свой, только что говоривший о чем-то рот, и жду что-нибудь типа «*алле, ан!*» Но, вместо каскадерского трюка, красавица делает пол-оборота в сторону жюри, медленно нагибается в полупоклоне, и в тот момент, когда серьги полностью закрывают ее щеки и кажется, что Эйфелева башня вот-вот рухнет с головы на подиум, грациозно выпрямляется!

Маримбист тут же опускает замершие палочки на инструмент, зал взрывается ревом восторга и аплодисментами, а красавица, как ни в чем ни бывало, делает два меньших полупоклона в сторону трибун и продолжает свой путь с отрешенным видом. Класс!

Жюри одобрительно кивает головами, прищипывает губами, объявляет следующий выход и откидывается на спинки стульев с сознанием выполненного долга. Председатель жюри вытирает платком пот на лбу и наливает себе из графина в стакан воды. Новая претендентка тем временем уже поднимается со всеми предосторожностями по лестнице, подобрав до щиколоток тяжелую юбку.

С маленькими вариациями юная леди повторяет путь предыдущей кандидатки, а вслед за ней его повторяют еще две или три такие же похожие одна на другую, на мой неискушенный взгляд, девушки. Я начинаю понимать, что никаких интервью о мире во всем мире, танцев с лентами, а уж тем более дефиле, в чем мать родила, в данном мероприятии не предусмотрено строгим протоколом. Да и зачем?

Похоже, весь остальной мир со всеми его достижениями и безумствами мало волнует потомков легендарных майя. Оно понятно, что от него, как от скандального соседа, не избавишься, и жить все равно придется вместе, бок о бок, но вот приглашать его к себе в гости особого желания как-то тоже нет.

А конкурс, тем временем, идет уже третий час и претендентки, показавшие жюри и зрителям свое мастерство рукоделия и грацию, терпеливо стоят вдоль стены за оркестром и ждут финала. Они, в отличие от меня, не отрывают взгляд от подиума, изредка перешептываясь между собой. Конкурс проводится после сбора урожая кукурузы, и королева, помимо короны, получает в награду несколько мешков початков, а также риса, фасоли и картофеля. С таким приданым можно и жениха достойного найти!

Наконец, последняя из индейских красавиц проходит испытание подиумом. В зале и за сценой жужжат взволнованные конкурсантки и зрители. Вспотевший и заметно уставший председатель жюри встает, откашливается в сторону от микрофона, берет лист бумаги и объявляет на весь разом переставший жужжать зал: – «В этом году королевой *Rumi`al Maya B'Oko* провозглашается Арасели Цунига Мартинес. Поздравляю!»

Шум, гам, маримба, аплодисменты... Но, «пресвятые драконы и гремучие змеи», почему она?? Ведь они же все, как заводские матрешки похожи друг на дружку! Сбившиеся в кучу конкурсантки обнимают и целуют новоизбранную королеву, окружают ее плотным кольцом, не позволяя пробраться к председателю жюри, поднявшему высоко над головой медную корону.

Постояв с вытянутыми руками минут пять, тот в сердцах опускает корону на стол, берет микрофон и приказывает девушкам отпустить королеву для завершения церемонии. Я его понимаю, ибо тоже устал от впечатлений. Спать, спать, спать! Завтра – второй концерт.

ТИКАЛЬ

Сентябрь принес долгожданное подписание контракта с университетом. А с ним – и решение всех финансовых проблем. Мы купили подержанный «Ниссан Сентра» и наконец-то перестали пользоваться *taxi colectivo* (коллективное такси). Это такое изобретение центральноамериканских таксистов, когда помимо трех человек на заднем сиденье, еще двоих утрамбовывают рядом с шофером, умещая ноги обоих в пространство переднего пассажира. Утрамбованный- (ая) при этом сидит на грязной подушке в пол-оборота к водителю и отчаянно пытается сохранить равновесие и приличия.

Испрашиваю у семьи позволения съездить после гватемальского кооператива по местам боевой славы майя и посетить в Белизе барьерный риф. Семья не возражает и я, обговорив по телефону все детали с пригласившей стороной, снова отправляюсь в Гватемалу в конце сентября. Но на сей раз меня везет самолет, оплаченный компанией, принадлежащей моему холеному сеньору.

До вечернего концерта полно времени, в отель за мной заедут, и я навещаю Родриго де ла Вега, хозяина арткафе. Он мне искренне рад. За чашкой кофе интересуюсь, где можно заказать авиабилеты в город *Флорес*, раскинувшийся на берегах славного озера *Итца*. Сам Флорес, равно как и озеро, меня ничуть не интересуют, а вот находящийся неподалеку от них город-государство древних майя *Тикаль* давно уже является предметом мечтаний.

Родриго звонит своему *амиго* (другу) из бюро путешествий, просит того дать другому *амиго* (мне, то есть) специальную цену и набрасывает на листочке план, как до него добраться. Как же у них все просто – вжик, и никаких проблем!

На прощание Родриго то ли в шутку, то ли нет, рассказывает мне со всей серьезностью о злых духах Тикаля, выползающих из сельвы вместе с испарениями после проливных дождей. Я похлопываю его по плечу и обещаю, что при встрече с нечистой силой непременно испытаю на ней действие «креста животворящего»!

Самолет летит из столицы страны до Флореса около часа. Сразу на выходе из аэропорта несколько гидов назойливо зазывают народ в свои микроавтобусы. Они похожи один на другой, но отнюдь не новизной. Дышать тяжело, это вам не плоскогорье. Интересно, есть ли в салонах кондиционер?

Вижу группу молодежи, говорящую по-испански с кастильским акцентом и спрашиваю, откуда они, будучи уверен в ответе. Так и есть. Эти тинэйджеры прибыли из Валенсии. Наверно, тоже хотят посетить места боевой славы своих далеких предков. Присоединяюсь.

Пока едем в Тикаль, до которого от аэропорта около шестидесяти километров, гид вовсю старается отработать свой гонорар, без умолку треща. Когда он начинает всем надоедать с предложениями поменять по выгодному курсу валюту, испанцы вежливо, как учат разговорники и путеводители, отвечают ему: – «*Quizas, mas tarde!*» (может, чуть позже).

Гид не смущается отказом и продолжает взхлеб описывать таинственный народ *Итца* (Итца), пришедший в эти края тысячу лет назад с севера Юкатана, из окрестностей города-государства *Чичен-Итца* и основавший Тикаль. Ничтоже сумняшеся, я решаю проверить уровень образования ушлого специалиста. А заодно и свой.

– Скажите, – вкрадчиво обращаюсь я к нему, – а удалось ли расшифровать многочисленные иероглифы майя, высеченные ими на каменных стелах и ритуальных *эскалинатах* (лестницах) своих городов-государств, таких, например, как Паленке в Мексике?

– Конечно! – Немедленно отвечает он, заметно обрадовавшись интересу, проявленному одним из окучиваемых им субъектов. – Откуда бы мы тогда столько знали о жизни наших предков?

– Интересно, а кто же смог расшифровать эти иероглифы? – продолжаю я свое коварное иезуитское расследование. – Ведь, насколько мне известно, современники последних майя не оставили после себя никаких ключей к переводу текстов. И понять их было неизмеримо труднее, чем египетские иероглифы, имевшие смысловые аналоги на других, современных древнеегипетскому, языках?

– О, да вы много знаете для простого туриста! – Льстит мне гид.

Я лишь вежливо улыбаюсь в ответ на тонкий его заход, но чаевые давать пока рановато: – Шампольону, например, нипочем бы не удалось расшифровать египетские иероглифы, если бы у него не было достоверных копий оригинальных текстов на других языках.

– Вы правы. – Отвечает гид. – Но один русский ученый (тут я даже прерываю дыхание в предвкушении), его звали *Ури Кнорозовф*, смог расшифровать иероглифы майя, применив к ним метод *позиционной статистики*.

О как! Признаюсь, я удивлен, уже второй раз за время пребывания в Гватемале, широкими познаниями ее граждан. Но виду не показываю, даже имя «Юрий» не хочу правильно произносить. Что там произношение? Сам факт признания заслуг моего соотечественника, кстати, ни разу не побывавшего в странах, где жили майя, был веским основанием доверять нашему гиду и в дальнейшем.

Испанцы от нашего специфического диалога, да еще и с упоминанием какой-то «позиционной статистики» слегка засмурели, и гид начинает наверстывать упущенное, с утроенной скоростью продолжая скармливать удобоваримую информацию об обитателях Тикаля скучающим юнцам.

Несколько придорожных знаков с изображениями могущих выйти или выползти на дорогу животных и рептилий (это, что ли обещанные Родриго духи??), а потом и преградивший нам путь шлагбаум, намекают на непосредственную близость самого большого, из на сей день известных, городов майя.

Возле шлагбаума стоит вооруженный штурмовой винтовкой поджарый охранник, а чуть поодаль от него – другой, потолще, и с пистолетом в кобуре. Этот второй вразвалочку подходит к нашему микроавтобусу, заглядывает в салон, мы все дружно приветствуем его, и шлагбаум тотчас взлетает вверх, послушный небрежному жесту офицера.

На площадке перед административным зданием стоят уже несколько таких же, как наш, микроавтобусов, только пустых. За контору уходит дорожка, посыпанная мелким щебнем, а перед самым началом дорожки на двух шестах висит (нет, не два мокрых скальпа!) напутствие туристам о правилах поведения в национальном достоянии.

Рядом – подробный и живописный план самого парка. У меня, по правде говоря, отличные от групповых экскурсий цели, и я по-английски покидаю испанцев, предварительно договорившись с гидом о встрече на этом же месте через четыре часа.

Идя по широкой тропе, хорошо себе представляю, почему некоторые города майя были так поздно открыты, а некоторые продолжают мирно посапывать в сельве, не потревоженные до сих пор.

Растительность даже на регулярно подстригаемых и выкашиваемых полянках и тропинках парка неистово буйствует (или буйно неистовствует, кому как нравится!), покрывая открытые места и старые камни в мгновение ока. Корни деревьев и лианы вгрызаются и вползают во все расщелины, разрывают каменную кладку, опутывают удушающими объятиями стелы, лестницы, храмы и дворцы.

И во всем этом буро-зеленом царстве стоит фальцетный звон от бесчисленных насекомых и пернатых, а также едкая вонь от вездесущих носух и копибар, которых местные называют «*pizote*» и «*guatusa*». Они давно привыкли к людям, и не дают им покоя точно так же, как и другие знатные туристические попрошайки – обезьяны.

Особенно в выклянчивании еды отличаются носухи. Задрав вертикально вверх полосатые хвосты, они, как по команде, собираются возле первого кинувшего им чипсы туриста, и не отстают от него до тех пор, пока бедняга не скормит прожорливым зверькам все свои съестные припасы и не ударится в бега, чертыхаясь и проклиная собственную благотворительность.

Воздух в закрытых от солнца верхним ярусом деревьев и практически не проветриваемых низинах тяжел и душлив. К тому же только что прошел дождь, и можно даже невооруженным глазом видеть испарения, поднимающиеся от влажной почвы.

Спасибо за посыпанные мелким гравием дорожки, господа! Без них тропинки под ногами сотен туристов давно бы превратились в непролазную чавкающую грязь, такую же, как в российской глубинке. Только не в черную, а в красно-бурую.

Бедные, бедные люди, которые жили в таких вот древних метрополиях без спасательных кондиционеров. Или, хотя бы, вентиляторов. Как я понимаю те племена, которые ушли отсюда на завоевание горных пастбищ и потом никогда не захотели вернуться на свою родину, насквозь пропитанную водой! Я бы тоже не вернулся. Ни за какие рождественские накатамали!

Но вот деревья как-то сами собой раздвигаются, воздух свежеет, и я попадаю на большую площадь с прекрасно сохранившимися двумя, то ли храмами, то ли пирамидами, стоящими друг напротив друга и вылезавшими своими макушками за верхний ярус леса. А по бокам еще какие-то строения, чуть менее пощаженные временем и бешеной растительностью тропиков.

Останавливаюсь, пораженный мощью и великолепием открывшейся перспективы. Что должны были чувствовать простые охотники, земледельцы и ремесленники, когда в ночи равноденствия, под нависающей над миром луной, здесь проходили ритуальные игры в мяч и жертвоприношения военнопленных? Жуть и мороз по коже. Даже в такую жару.

Иду к понравившемуся мне почему-то больше других зданию. Табличка перед ним утверждает, что это *Храм Великого Ягуара* и что имеет он в высоту целых сорок четыре метра. Что ж, заберемся, поглядим на мир глазами жрецов, тем более что никаких ограничений на подъем, кроме собственных физических возможностей и соответствующей обуви, здесь нет. Чем и пользуются азартно карабкающиеся по ступеням молодые, и не очень, туристы.

Ступени у храма не просто высокие, а высоченные. Подниматься по ним приходится, по очереди забираясь на каждую двумя ногами. И жертвам до алтаря на самом верху, похоже, было идти совсем не просто. Интересно, а как забирались туда жрецы в своих тяжелых облачениях и с гроздьями драгоценностей, торчащими из ушей, ноздрей и свисающими с прочих конечностей? Это ведь должно было выглядеть довольно забавно и отнюдь не торжественно, а, скорее, смешно.

К счастью, мне не надо трясти золотишком и камнями: у меня с собой только камера, а на ногах отличные найковские кроссовки. Так что я таки добираюсь до верхней площадки без существенных потерь, смахиваю несколько капель пота со лба и висков, и – застываю, пораженный. Вот это видок, скажу я вам!

Над зеленым океаном сельвы, простирающимся до самого горизонта во все стороны, немного поодаль торчат гордые головы еще как минимум трех таких же башен, как та, на которую я только что вскарабкался. А над всем этим безбрежным пространством неспешный ветер гонит низко-низко облака, какие посветлее, какие потемнее. И некоторые тучи, совсем уж серые и брюхатые, даже периодически извергают из себя молнии, разящие землю своими причудливо изогнутыми жалами.

Одна из этих громоздких, как дирижабль, туч, неторопливо приблизившись, как раз начинает побрызгивать помаленьку водичкой и на меня. Спрятавшись было от этой океанической жути внутри алтаря, немедленно выскакиваю, зажав нос, под разыгравшийся дождик наружу.

Что ж, и жрецам за время своего долгого бдения над подлунным миром тоже надо было периодически отливать. Чего уж про нас, туристов-то говорить? Не спускаться же с этакой кручи в кустики! Обхожу площадку по периметру и замечаю, что храм неподалеку как будто бы даже повыше будет. Надо сходить! Спускаюсь значительно быстрее, чем поднялся, но приблизительно с теми же неудобствами от незнания альпинистских технологий древних майя. Выхожу с площади и по тропинке добираюсь до интересующего меня сооружения.

Забираюсь примерно таким же образом, как и полчаса назад. Точно, это даже выше, но ощущения похожие. Как будто на колесе обозрения, или в останкинском ресторане «Седьмое небо» поздне-советского периода, только передо мною не современный, а законсервированный столетиями город, пронзивший пышную сельву упрямыми каменными башнями.

Площадка для игры в мяч в Тикале слишком мала, чтобы заинтересовать – в гондурасском Копане побольше будет, и я без сожаления оставляю ее вниманию только что прибывшей группы по-детски наивных японцев. Для них любой камешек, названный ушлым гидом чудом света, является предметом искреннего восхищения, и немедленно фиксируется на камеру.

Мой путь – к новым вершинам древних храмов, и я взбираюсь на каждый из них. Забравшись куда-то в очередной раз, спускаюсь уже не по храмовым ступеням, а по длиннющей деревянной лестнице с великим множеством поворотов.

Лестница узка для двухполосного движения, и поднимающиеся по ней должны ждать на промежуточных площадках, пока спускающиеся не пройдут поворот. Спустившись с последней из них на площадку отдыха, предусмотрительно сооруженную для таких же, как я,

изможденных храмовым альпинизмом туристов, я нахожу свободную скамью со столом и без сил на нее опускаюсь. Хвала тикальским богам!

Невидимое за тучами солнце уже давно перевалило за полдень. Все нормальные обитатели тропиков уединились на сиесту, и только неутомимые туристы продолжают заново переживать и оживленно обсуждать увиденное.

Я молча жую припасенные заранее бутерброды, запиваю их тепленькой водичкой и время от времени отгоняю докучливых носух, привлеченных запахом ветчины.

Марево, поднимающееся с поверхности сырой почвы, искажает очертания деревьев и руины древнего города, удаляет от меня голоса чирикающих поодаль туристов и попугаев. Веки тяжелеют и незаметно смыкаются, челюсти замедляют свой ритм и постепенно вовсе перестают жевать. Я медленно откидываюсь на спинку скамьи, сижу в таком положении несколько минут, а потом и вовсе опрокидываюсь навзничь на широкое сиденье и окончательно теряю связь с напроочь отсыревшей действительностью...

.....

Просыпаюсь в тростниковой хижине от боли в заочневших руках. Они почему-то связаны за спиной в локтях, а сам я сижу в неудобной позе, подпирая угол хижины затекшей в шею головой и плечом. Темнота внутри крошечная, и это при том, что стены из тростника усохли настолько, что в дыры между стеблями свободно пролезает мой большой палец. В них же проникает и дрожащий свет издалека. Да еще какой-то звук, похожий на гул толпы.

Слышу тяжелый вздох. С трудом поворачиваю непослушную шею и вижу слабое мерцание капелек влаги на лице сидящего рядом со мной человека. Начинаю ощущать исходящие от него запахи пота и мочи. Глаза еще больше привыкают к темноте, и – о, ужас! – я понимаю, что нас здесь несколько, таких же, как я, узников. Все связаны в локтях, все сидят с полусогнутыми коленями и тяжело дышат, как будто ожидая прихода чего-то страшного.

Наконец, я с изумлением замечаю, что на моих соседях нет ничего, кроме набедренных повязок. И на мне, кроме нее, тоже ничего нет! Издалека доносится многоголосый выдох толпы, взрываются утробным ревом раковины морских моллюсков – *caracoles* – и страшно начинают отбивать неведомый мне ритм гулкие тамборы. Господи, да что же это такое? Где мы?!

Толпа возбуждается вместе с музыкантами, гул ее постепенно превращается в океанский прибой, неутомимо штурмующий тысячелетиями неприступную сушу. Прибой все усиливается, свет в многочисленных дырах бесполезных стен хижины становится ярче и ярче. Факелы приближаются, мы еще больше подтягиваем ноги, и тут плетеный полог с дверного проема резко отдергивается и перед нами предстает мускулистый воин в роскошном головном уборе из перьев кетцалья и ужасающей раскраской на изрезанном шрамами поджаром теле и горбоносом лице.

Он указывает копьем на ближайшего к дверному проему пленника и что-то кричит ему гортанным голосом. Остальные цепенеют в ужасе и стараются спрятаться друг за друга, вжаться в дырявые стены, раствориться в душном тяжелом воздухе. Рассвирепев от задержки, воин кричит опять, на сей раз обращаясь к кому-то снаружи, и в хижину тотчас вбегают еще двое или трое, хватают всех подряд, вытаскивают их вон, ставят на ноги, попутно награждая ударами древком копья. Через несколько секунд приходит и моя очередь.

Мы снаружи, в окружении кольца из воинов и ревушей за ними толпы. Факельный свет в безветренной ночи выхватывает из темноты искаженные лица людей с перекошенными редкозубыми ртами и расширившимися от возбуждения зрачками. Кто-то с глиняной миской, полной темной жидкости, подбегает к каждому пленнику, макает руку и густо мажет грудь несчастного чуть пониже левого соска.

Когда все перемазаны, главный воин опять отдает гортанную команду, копейщики направляют острия на нас и подталкивают, понуждая идти в направлении ревуших раковин

и низко рыкающих тамборов. Пройдя длинным коридором из закрывающих звезды деревьев, между таких же, как наша тюрьма, только обмазанных глиной, тростниковых хижин, мы шаг за шагом приближаемся к пространству, освещаемому пляшущим светом сотен факелов. Мерцающая лесная темнота расступается перед огромной, в полнеба, пятнисто-желтой луной, зловеще нависшей над своими земными владениями.

Еще несколько строений, только уже каменных, широкий проход, и – перед нами огромная площадь, битком набитая перевозбужденными людьми, не то пританцовывающими, не то трясущимися в каком-то запредельном экстазе. На том конце площади – огромная каменная пирамида, чья лестница и верхний алтарь освещены гигантскими кострами в массивных каменных чашах. Самый большой костер разожжен на вершине пирамиды, а вокруг этого костра стоят с поднятыми к луне руками люди в пышных головных уборах из золота и перьев птиц.

Толпа, увидев нас, уже не просто ревет, а визжит без памяти. Некоторые вертятся волчком и падают навзничь, раздирая себе в кровь лицо и грудь, извергая изо рта обильную пену, а остальные поневоле расступаются и еще больше сатанеют от вида корчащихся в конвульсиях соплеменников. Воины решительно расталкивают собравшихся, щедро раздавая налево и направо тычки древком копья. Нас ведут прямо к пирамиде. И чем ближе мы к ней подходим, тем меньше сил остается в гнущихся от страшного предчувствия ногах.

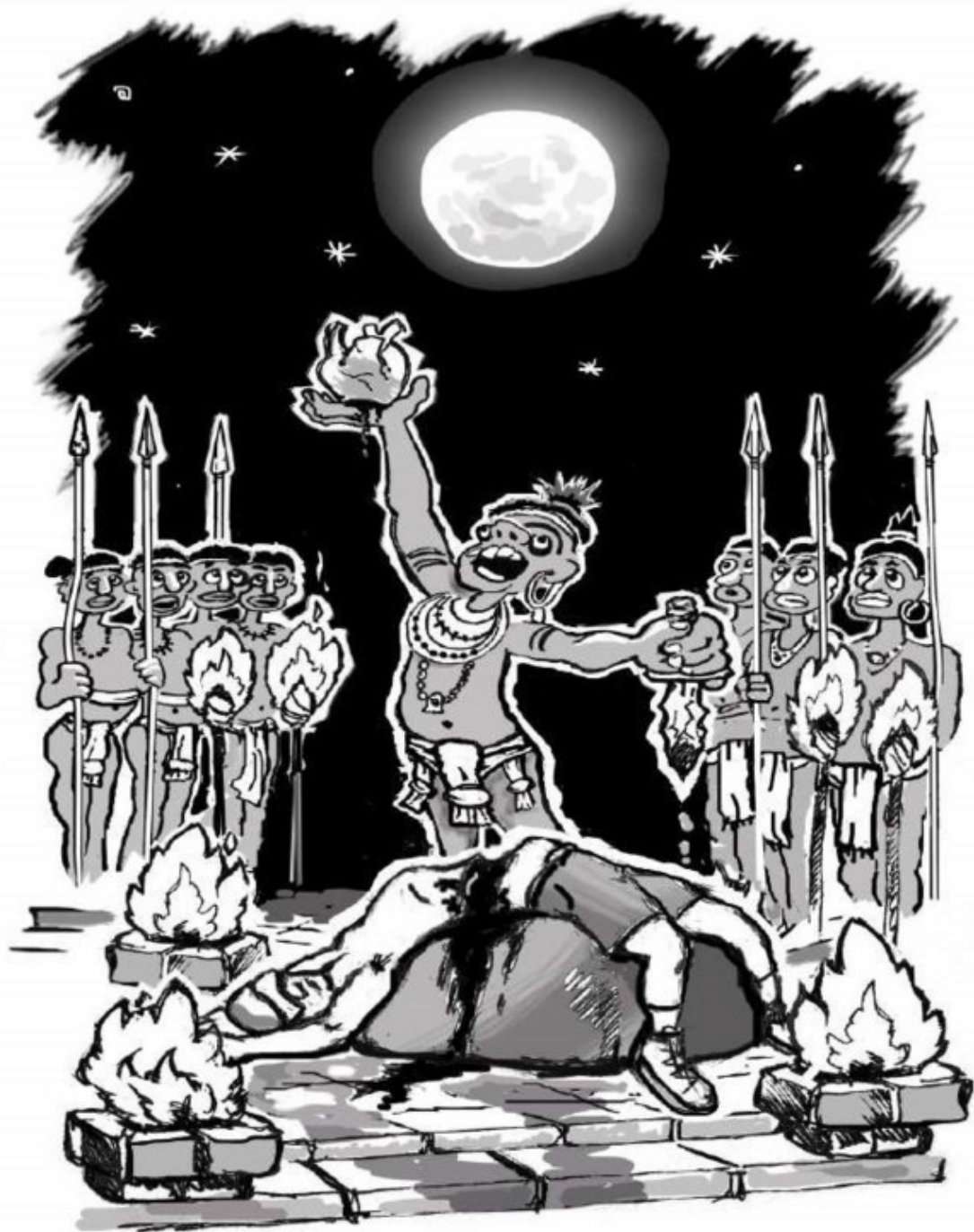
Ступени лестницы слишком высоки, чтобы обессиленные от ужаса пленники могли взобраться по ним сами. Нас уводят вбок, за пирамиду, где с нее спускается канат, сплетенный из лиан. Воины под прицелом копья разматывают веревки на наших локтях и немедленно спускают ими запястья и щиколотки. Затем привязывают запястья к канату и поднимают первых двух пленников наверх, как будто тянут ведро с водой из глубокого каменного колодца.

Оставшиеся на земле видят, как первого из поднятых, крепко схваченного за руки и за ноги, воины кладут на каменный алтарь, лицом к равнодушной луне. Даже снизу нам видно, как выпяченная вверх грудь несчастного вздымается в судорожном дыхании. Из внутреннего помещения торжественно выходит жрец в тяжелом головном уборе, с массивными золотыми браслетами на руках и ногах, препоясанный по груди и по чреслам ремнями с ожерельями из нефрита и перламутровых раковин, и подведенными черной краской горящими глазами.

Музыка смолкает, а за ней постепенно утихает и рев толпы. Все взгляды собравшихся внизу теперь прикованы к вершине пирамиды со стоящим возле алтаря жрецом. Он дожидается полной тишины, которую даже дикие обитатели сельвы не осмеливаются прерывать, простирает вверх руки и говорит, обращаясь к висящему прямо у него над головой пятнистому диску:

– *At T'zaqol, at B'i tol, qojaztu', qojawakaxaj, man qojamestaj, man qojamalij, at kawawil chi kaj, chi ulew, Rukúx Kaj, Rukúx Ulew, Tayátaqetal, qatzij, ri xtibé q'ij...*

(О, ты, Тсаколь, о, ты, Битоль, посмотри на нас, услышь нас, не оставляй нас без своего покровительства, о, ты, кто на небе и на земле, сердце Вселенной, дай нам будущее, продолжение рода, до тех пор, пока Солнце и Луна будут ходить по небосводу!)

Кто-то из его помощников, низко склонив в почтении голову и вытянув далеко вперед руки, подает ему широкий обсидиановый нож, хищно поблескивающий в лунном свете, и жрец, коротко замахнувшись, вонзает его под ребра извивающемуся пленнику. Ловко орудуя острым клинком, вспарывает несчастному грудную клетку от края до края, засовывает внутрь по локоть правую руку, и, нащупав то, что искал, оскаливается по-звериному и вырывает из еще живого человеческого тела окровавленное сердце!

Подняв его над головой, так, чтобы видели все собравшиеся на площади, жрец предлагает трепещущее сердце неподвижно застывшей Луне, что-то крича при этом. Толпа уже даже не ревет, а воет непотребно, сердце в руках жреца вздрагивает еще несколько раз, выплывы-

вая из себя остаток крови, и, наконец, покорно утихает. Жрец бросает его на хищно взметнувшийся от радости жертвенный огонь.

А безжизненное тело уносят на другую сторону пирамиды и сбрасывают вниз, как мешок с навозом. Из-за воплей толпы даже не слышно звуков быющего о ступени несчастного куска плоти, бывшего всего десять минут назад живым человеком.

Мы, все стоящие внизу, окончательно падаем духом. Кто-то плачет, кто-то воем не человечьи от охватившего все естество ужаса, кто-то мочится под себя, не замечая этого. Когда мне связывают запястья и тащат наверх, влажные остроугольные камни пирамиды сильно обдирают кожу в нескольких местах, оставляя на теле длинные кровоточащие борозды. Но я не чувствую боль. Я вижу только нависшую надо мной огромную равнодушную луну и слышу доносящийся откуда-то снизу рев вконец обезумевшей толпы, узревшей еще одно доживающее в руке жреца сердце.

Меня крепко прижимают к липкому от крови каменному ложу, перехватывают смертельными объятиями руки и ноги, на долю секунды зловещую луну закрывает тень занесшего надо мной обсидиан жреца и – я чувствую острую жгучую боль под левым соском...

Инстинктивно хватаюсь за уколотое место, прихлопнув при этом ладонью то ли комара, то ли еще какую кровососущую тварь. Весь в липком поту привстаю, неуклюже сажусь на скамью, спускаю на живот задрывшуюся во сне футболку и очумело думаю, что же это за дикость такая, и из какого фильма ужасов, мне только что приснилась.

Поглядев по сторонам, обнаруживаю, что испанцы и японцы испарились вместе с послеполуденной влагой. Откуда-то из подкорки выныривает тягучая мысль о том, что, если и я, хотя бы ползком, не начну тотчас же двигаться по направлению к выходу, то мне придется самому искать себе пристанище на ночь в ближайших окрестностях. И что-то совсем уж, поверьте, не хочется, чтобы это было нечто похожее на дырявую тростниковую хижину из моей кошмарной сестры!

Бегу к турбюро так, как будто за мной гонятся свирепые воины Тикаля. Слава Богу, автобус еще здесь. Гид понимающе улыбается и ободряет меня, говоря, что туристов частенько размаривает беготня по ступеням храмов в душливом воздухе сельвы. В любом случае, они бы без меня не уехали. Да, господи, это вам не Россия, где ваши сумки могут погрузить в автобус, получить деньги за проезд, а потом спокойненько отчалить, пока вы отлучились пописать на минутку!

Пока едем назад во Флорес, я расспрашиваю гида о том, как мне лучше завтра добраться до Белиза. Очень, знаете ли, хочется посмотреть тамошний барьерный коралловый риф. Говорят, он похож на свой знаменитый австралийский аналог, только размером поменьше. Во всяком случае, второе место в мировом коралловом рейтинге ему принадлежит все равно.

Гид смотрит на меня вначале как на сумасшедшего богатенького Буратино, потом понимает, что я действительно собираюсь это сделать, и обещает поговорить с одним *амиго* по возвращении в город. А пока продолжаем с ним наши научно-познавательные разговоры, чем немедленно приводим испанскую молодежь в безразлично-зевотное состояние.

Высадив у аэропорта всю тинэйджерскую команду, гид просит шофера проехать прямо в центр города в отель «Петен», где я быстренько плачу за ночь, кидаю свой рюкзачок, *mochilda* – по-местному, и мы едем куда-то дальше в темноте. Гид оживленно болтает с шофером, наверно, оба довольны заработанным за день. Но я их особо не слушаю, так как все еще до конца не очухался от достопамятной сестры.

А пока мы оставляем, справа по борту, какую-то странную, уходящую в никуда, то есть, прямо в воду, дорогу. Похоже, что это коса или плотина, потому, что вода блестит с обеих ее сторон. Гид оборачивается и сообщает, что это самая старая часть города, расположенная на острове, на месте павшей в войне с конкистадорами последней столицы майя Петен-Итца.

Видимо, успокаивает меня. Заходим в шумную забегаловку, и я прошу бармена дать «*tres servezas, por favor*» (три пива, пожалуйста).

Пока выставляют бутылки и снеки, гид оглядывает зал, замечает знакомого и быстренько направляется к нему, оставив нас с шофером одних за барной стойкой. Через несколько минут он возвращается вдвоем с не очень опрятно одетым дядькой и объявляет, что у меня сегодня самый счастливый день. Я слегка напрягаюсь. Почему у нас будет нынче счастье за килограмм?

Знакомимся с дядькой. Он, оказывается, едет завтра по делам в *Бельмопан*, малолюдную столицу Белиза, называвшегося когда-то Британский Гондурас. А еще раньше принадлежавшего Гватемале. Из-за чего по сей день на гватемальских картах граница-то с Белизом как бы и проведена, но зато нет названия государства по ту сторону границы. Поскольку, по мнению властей, оно продолжает быть гватемальской территорией. Вот, объясняю я своему новому знакомому, на территорию этой безымянной страны я и хочу попасть. Поможете?

«*Estoy a su orden!*» (я к вашим услугам!) – Бодренько отвечает мой потенциальный перевозчик. Всего лишь за сто долларов (а это, между прочим, месячный заработок многих жителей в этих краях). Понятно, что мужик смотрит на меня, голубоглазого, примерно так же, как смотрел гид двумя часами ранее. Но я, прикидывая про себя другие пути достижения цели и их стоимость, вначале выражаю сомнение по поводу соответствия обозначенной суммы предоставляемой услуге, а потом как бы нехотя соглашаюсь.

Однако на предложение дать аванс отвечаю решительным отказом. Гид пытается меня убедить, что здесь нет подвоха, что новый шофер чуть ли не приходится дальним родственником самой матери Терезе, но я непреклонен и тверд. А под конец еще и заявляю, что или отдам ему деньги по прибытию на место, либо отдам их за другой транспорт, который доставит меня до пункта назначения. Тем более что мне столица Белиза сто лет не нужна. Она слишком далеко от моря.

Последний аргумент имеет действие, мы бьем по рукам, договорившись, что Мигель (так зовут моего нового личного шофера) отвезет меня сейчас в отель, а завтра утром заедет за мной. Прощаюсь с гидом, засовывая в нагрудный кармашек его рубашки банкноту с изображением отца-основателя Банка Нью-Йорка – *Александра Гамильтона*. Может, он ожидал большего, но виду не подает. Молодец парень!

Перед тем, как заснуть, вспоминаю зловещие предостережения Родриго в арткафе. Мрак! Проспав почти десять часов безо всяких машин времени и прочих подобных перемещений в пространстве, бодро встаю, принимаю душ (кто знает, что ждет нас впереди?), плотненько завтракаю яичницей с жареной фасолью и беконом, прошу сделать мне в дорогу несколько сэндвичей и выхожу на улицу.

Мой шофер на выдавшем виды пикапе «Ниссан» уже ждет меня с открытым капотом.

– Все в порядке?

– Да, только уровень масла и тосола проверял.

Ну, надо же! А я-то думал, что все местные оставляют этот элемент предрейсового осмотра на заправщиков с ближайшей АЗС. По крайней мере, прекрасные амазонки уж на сто процентов так делают. Что ж, значит, Мигель все же заботится о своем железном коне. Поехали.

БЕЛИЗ

Всего лишь около девяти часов утра, а влажный тягучий воздух уже раскаляется до банной температуры. К несчастью, машина у Мигеля самая, что ни на есть рабочая лошадка, такая же, как у Леопольдо, да и у других простых тружеников, и кондиционер в ней японскими производителями просто-напросто не предусмотрен. Не по чину, стало быть.

Но одно дело прохладные горы, и совсем другое – пропаренные равнины с прямоугольниками тростниковых полей (где и работников-то из-за стеблей не видно!) и остатками юкатанской сельвы, до которых крестьяне еще не добрались. Так что, хоть окна в кабине открыты настежь, я все равно ощущаю себя парным чешским кнедликом на тарелке джунглей. А дорога, между прочим, далеко не везде заасфальтирована и пылит, пылиит!

Попадаются кое-какие деревеньки, похожие друг на друга, как вчерашние носухи – такие же мало опрятные, но с высоко задранными хвостами в виде вездесущей рекламы Кока-Колы на любой обшарпанной лавчонке! Грязные голопузые детишки срываются из тени придорожных деревьев, где они целыми днями наблюдают со скуки за дорогой, бегут какое-то время за машиной, что-то верещат...

Может, как Киса и Ося на том кавказском перевале, орут «давай денги, денги давай»? Часа через полтора-два тряски по убогому «шоссе» подъезжаем к деревне с громким названием *Ciudad Melchor de Mencos*, что означает «Город Мельчор де Менкос». Это и есть пограничный город? Н-да, хорош...

Чем ближе к погранпункту, тем больше туристических лавок, предлагающих приобрести напоследок гватемальские сувениры. Они мне уже ни к чему, а вот глаз радуется чистоте и опрятности улочки исхода из страны. На границе практически никого нет, и Мигель сразу мог бы проехать в безымянное государство Белиз, как местный.

Гватемальскую сторону прохожу свободно и я, только заполняю пару миграционных деклараций, да штамп убытия в паспорте ставят. На белизской стороне нас встречает могиль-

ного вида холмик с клумбой и выложенная белыми покрашенными камнями надпись на нем «*Welcome to Belize*». Значит, страна все-таки не безымянная!

Мне, в отличие от Мигеля, нужно оформить визу стоимостью пятьдесят долларов, а до этого еще заполнить анкету. А в анкету вклеить фотографию. А фотография та за отдельную плату местному фотографу.

Но я, закаленный шоковой экономикой переходного периода, всегда имею при себе несколько своих физиономий на бумаге про запас. Деревенского фотографа постигает профессиональное разочарование. Пока пограничник проверяет мои документы и пробивает мою бледную личность по компьютеру, я осматриваю комнатенку, служащую ему офисом.

На стене висят несколько плакатов с фотороботами и реальными фото тех, кого всегда ищут, но редко находят. Меня и моих близких, слава Богу, среди них нет. Что и подтверждает пограничный компьютер.

Наконец, все формальности соблюдены, офицер удовлетворен моим ответом на вопрос, надолго ли, и зачем, я еду к ним в их замечательную страну, и мы благополучно отбываем. Что интересно, дорога оказывается прекрасно заасфальтированной и даже имеет собственное имя – *Western Highway*. Ну, надо же, прям, Флорида какая-то апельсиновая!

До Бельмопана остается километров сорок пять – пятьдесят, не больше, и по такой дороге мы пролетаем их пулей, тем более, что машин на шоссе – раз, два, и обчелся. Все на сиесте. Даже труженики полей.

Достопримечательностей особых не наблюдаю: все та же сельва, а на расчищенных участках посевы сахарного тростника и кое-где, кажется, юки, популярного у всех народов Центральной Америки корнеклубня. В вареном виде – что-то среднее между картофелем и репой, только волокна более продолговатые. А обжаренная – просто пальчики оближешь!

Когда показывается Бельмопан, или, вернее, когда я после поселка *Роринг Крик* вижу указатель, что прямо – это в центр города, а направо – это нужный мне *Hummingbird Highway* (Колибри Хайвэй), я сообщаю Мигелю, что дальше мне с ним не по пути. Он спрашивает, больше для приличия, разумеется, а куда же мне, собаке бешеной, надо? Я отвечаю, что на побережье, в райское местечко, называемое *Placencia*.

Естественно, он о таком месте знает только понаслышке. Его ареал узко-коммерческих нужд, это – сам Бельмопан, да еще пятнадцатитысячный Белиз-сити на берегу. Он сворачивает направо и, проехав пару сотен метров, высаживает меня возле супермаркета под названием «88». Чтобы я не скучал, стало быть, а отошел немного от дорожных испытаний в кондиционированном воздухе. Расплатившись, расстаюсь. *Adios, amigo!*

Освежив немного голову под крышей супера и промочив горло *refresco* (так здесь называют любой прохладительный напиток), выхожу на дорогу ловить попутный транспорт на юг. Глаз на этой окраине низкорослого Бельмопана положить не на что, и стоять под послепопуденным солнцем с поднятым вверх большим пальцем – не лучший вариант времяпровождения для светлогожестого обитателя Северного полушария.

Конечно, бутылка пресной воды и бейсболка с длинным козырьком спасут вас на какое-то время, но оно того не стоит, уж поверьте мне! Приблизительно так размышлял я, стоя на обочине Колибри Хайвэя возле супермаркета «88». Размышлял довольно долго, а точнее, до тех пор, пока меня не подобрал сердобольный шофер грузовика, разрешившегося от бремени срубленным сахарным тростником на фабрике неподалеку.

Мне явно везет в последние сутки – плантация, откуда он возит урожай в столицу, находится недалеко от того места, где с Южного Хайвэя нужно будет свернуть налево на боковую дорогу до Пласенсии. Шофер, поджарый мужик лет сорока от роду, с худыми жилистыми руками, крепко вцепившимися в руль, расспрашивает, откуда я, давно ли приехал в Белиз и все такое прочее дорожно-любопытное. Отвечаю с охотой, чтобы поддержать разговор.

В Белизе официальным считается английский язык – отсюда все эти Хайвэй, Сити и Крики. Родным, тем не менее, его признают всего 3% населения, и народ говорит в основном на испанском. Вообще страна по размерам малюсенькая, малонаселенная, кроме туризма и сельского хозяйства здесь ничего нет, и, видимо, не будет никогда.

– А как насчет рыбку половить? – спрашиваю.

Шофер первый раз отрывает правую руку от руля, отмахиваясь от меня, как от назойливого комара: – Это только для ленивых гарифуна подспорье, да для таких, как ты, развлечение!

Так, переговариваясь, мы начинаем проезжать через какие-то не то что горы, а, скорее холмы, поросшие буйной растительностью. С правой стороны дороги они мне даже кажутся повыше, помощней, что ли, хотя из меня топограф, надо признаться, как из крокодила пассажи.

Шофер замечает мое любопытство к изменившемуся рельефу и поясняет: «*Maya Montañas. Hay varios sitios arqueologicos*» (Горы Майя. Здесь много археологических памятников). Это я заметил. А еще заметил обилие указателей, с увлечением рассказывающих о гостиничных оазисах для экотуристов. Ну, просто рай для любителей природы и замшелых руин!

Хотя, после Тикаля, Паленке, *Копана* и Чичен-Итца, друзья мои, осматривать местные развалины уже как-то не очень актуально. Какие бы они замечательные ни были по описаниям туристических путеводителей. А вот карстовые пещеры в этих горах весьма популярны у туристов-экстремалов и даже, не удивляйтесь! – у дайверов с опытом. «Глубоко копали гномы», – как справедливо изволил заметить злой маг *Саруман*.

Недалеко от поворота на Южный Хайвэй из сельвы неожиданно-негаданно выныривает двухэтажное дощатое здание с причудливыми, совсем не свойственными местной солнцезащитной архитектуре, острыми гребнями крыши. Такие островерхие терема рисовали художники-декораторы на эскизах к «Снегурочке» в Большом, или еще какой другой постановке по мотивам русских сказок и былин. Ну, там понятно, что скаты теремов помогали снегу не залеживаться, а здесь-то, скажите на милость, зачем эти художественные излишества?

Внимательный шофер замечает мое недоумение и, не дожидаясь вопроса, поясняет, что это место в начале семидесятых годов облюбовали себе хиппи из США и выстроили тут коммунальный дом, где и хипповали на всю катушку, пока мода на это дело не прошла.

– А кто сейчас в теремочке живет? – спрашиваю.

– А бес его знает! – Пожимает плечами шофер. – Жить в таком курятнике никому из местных особо не хочется, вот и стоит пока бесхозный. Может, купишь себе?

«Да на кой ляд он мне сдался!» – думаю. И решительно мотаю головой. А парень лишь добродушно усмехается.

Еще раз поворачиваем возле заправки «Шелл» направо, заезжаем на Южный Хайвэй и продолжаем путь между поросшими всякими деревьями горками и прибрежными плантациями тростника и бананов.

Издалека доносится характерный звук легкомоторного самолета, а вскоре показывается и он сам. Это – некое подобие нашего «кукурузника», и задача его – распылять над полями созревших бананов химикаты, уничтожающие насекомых. А чтобы химия не повредила плоды, рабочие оборачивают полиэтиленовой пленкой каждую гроздь. Надеюсь, летчик знает свое дело и не опылит заодно с урожаем и нас!

Белиз, конечно, не сравнится с прочими Центральноамериканскими государствами по объему отданных под банановые и ананасовые плантации площадей, но «банановой республикой» может называться вполне заслуженно.

Хоть в семью этих стран его никак не хотят брать старшие братья и сестры, в особенности – западный сосед. Так что он сам по себе гуляет. Как киплингковский кот, или, скорее, как местная, еще не истребленная до конца состоятельными заезжими охотниками, пума.

Не проходит и часу (ну, что за потешные расстояния в этой стране!), как шофер притормаживает и указывает мне на уходящую влево к морю проселочную дорогу возле безымянной деревушки. Дорога, похоже, готовится к укладке асфальта, ибо пыль от снующих туда-сюда тяжелых грузовиков стоит прямо до зашторенного облаками неба. Мне как раз туда, в этот ад.

От денег шофер отказывается, и это был единственный раз за все время моего пребывания в Белизе, когда человек не то, что не попросил чаевых, но даже не стал брать вполне заслуженное вознаграждение. Бывают, оказывается, и такие вот ладино со щедрой русской душой.

Однако солнце уже намыливается нырнуть на западе за горы Майя, а мне еще надо добраться до забронированного на двое суток номера в отеле «*Singing Sands Inn*» (Постоялый двор Поющие Пески). По моим прикидкам, до возделенного пристанища отсюда, с перекрестка, еще километров двадцать. И ни идеи, как я их преодолю по этой жаре и в этой пыли без противотога. Что же, лимит удачи на сегодня исчерпан??

Но нет, нет, боги явно благоволят мне! С Хайвэя на дорогу поворачивает такси, и тормозит прямо передо мной, добавив свои пять копеек к красноватому дорожному самуму. Пыль неторопливо оседает на мне и на капоте авто, а когда она немного рассеивается и машина обретает, наконец, более-менее четкие очертания, сидящий за рулем черный парень, обнажив в широчайшей улыбке белейшие зубы, что-то спрашивает с меня по-английски. Его специфический английский я ни фиги не понимаю, но называю отель в Пласенсии, и парень бросает мне что-то похожее на «гет ин». Ага, это уже ближе к теме.

– А почему?

– Туэни даллас!

– Уай из соу мач?

– Бикоз!

Вот это скорострел! Видя мою нерешительность, бомбила с радостной улыбкой сообщает, что через полчаса рабочий день закончится, и вообще никто здесь не поедет, так что, мол, не стоит особо выпендриваться. Особенно богатеньким голубоглазикам. Я, скрепя сердце, соглашаюсь на запрошенные двадцать долларов (где-то по доллару за километр ведь получа-

ется!) и сажусь в его колесницу, чтобы до наступления полной темноты все-таки суметь попасть в отель.

С последним отблеском закатившегося за Горы Майя солнечного диска поворачиваем направо и подъезжаем к косе, уходящей вдоль моря в бесконечность. Коса не широкая, с редкими вкраплениями в зелень то ли вилл, то ли гостиниц с пляжными бунгало из сухих пальмовых ветвей, и все с собственным пирсом. Шофер говорит, что там, дальше, даже аэропорт есть, и мы потом проедем мимо него. Чисто флоридский *Ki-Уэст*!

И дорога, по которой мы рассекаем, соответственно, называется *Placencia Sidewalk*. А сама коса – *Майя Бич*. Если добавить к этому нескольких проглянувших через густейшую прибрежную зелень белокожих туристов по левую сторону дороги, то иллюзия пребывания в Штатах становится полной.

На мой вопрос о том, где он живет, шофер указывает большим пальцем правой руки куда-то назад, на въезд, где остались деревянные обшарпанные дома на сваях. С правой стороны улицы блестит внутренняя лагуна со множеством галдящих птиц, собравшихся вместе после трудовых будней. Наверно, распределяют места на ночлег. А, может, хвастаются друг перед дружкой своими дневными приключениями.

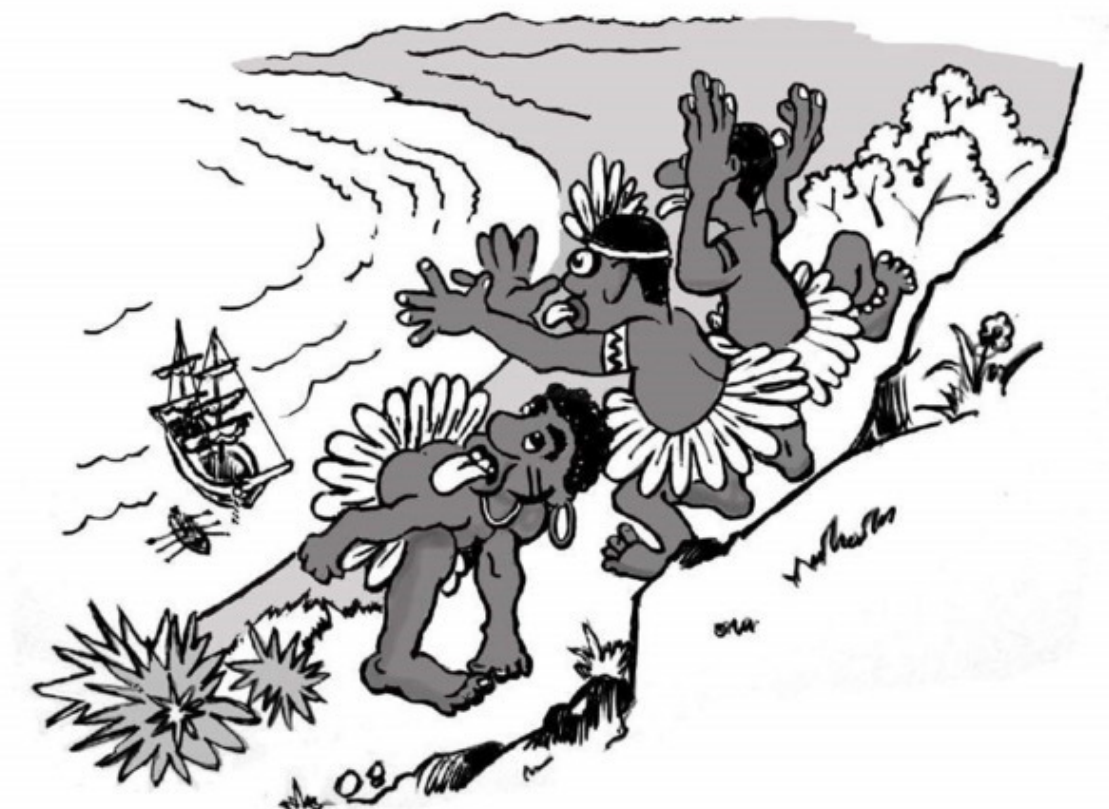
– Эт у них ежедневн вечерн псиделк! – замечает мое любопытство таксист. Смеется, проглатывая тормозящие гласные: – Пред самм заходм солнц першки пчист, пропуст по стканчку ром – и на бокву!

Усмехаюсь и я, а он тем временем рассказывает, что его народ облюбовал себе это побережье с тех пор, как их насильно депортировали с острова *Сан-Висенте* в Гондурас. Потом, во время борьбы стран Латинской Америки за независимость от испанской короны, они бежали от войск бравого генерала *Франсиско Морасана* в Гватемалу и Белиз. А на сам остров Сан-Висенте попали еще в XVII веке, когда два английских корабля, перевозившие рабов из Африки на сахарные и хлопковые плантации Вест-Индии, потерпели крушение неподалеку.

Потом было много чего еще в печальной истории жизни этого развеселого народа. Начав размножаться со страшной силой и скоростью, гарифуна навлекли на себя немилость местных индейцев аравака (*arawaka*), и те стали целенаправленно истреблять детей мужского пола у своих врагов.

Гарифуна ответили на таковую дерзость всем своим дружным табором. В результате этой карибской иродиады повымирили сами араваки. Или уплыли, кто успел, от греха подальше, исчезли за горизонтом и канули в Лету.

Затем власть захватили англичане и тоже не баловали народ попусту. Поставили, лорды окаянные, себе целью превратить всех чернокожих планеты, включая свободолюбивых гарифуна, в бесплатный рабочий скот. Те в ответ залезли повыше в горы, чтобы оттуда корчить рожи чопорным подданным английской короны и совершать дерзкие набеги на поместья мирных плантаторов-рабовладельцев. Англичане имели другую точку зрения и другие планы развития колонии и поэтому начали вырезать чернокожих мятежников и их семьи целыми деревнями.

Войны длились с переменным успехом до 1805-го года, когда в бою был схвачен и потом, с типично английской помпой, под фанфары и барабанную дробь, повешен на рее королевского фрегата свирепый вождь гарифуна *Хосеп Самуйе*. Он долго болтался вместо вымпела на этой рее, в истлевших лохмотьях и с выклеванными вороньем глазами, напоминая своим соплеменникам о пагубности партизанщины, как метода борьбы с регулярной армией Его Величества.

Но народ даже после этого события все равно наотрез оказался от душевного королевского покровительства. После чего англичане плюнули на все это дело, собрали оставшихся в живых гарифуна, затолкали их в трюмы кораблей и отвезли на материк, в Гондурас. Наверно, чтобы нагадить вот таким изощренным методом воевавшим с ними испанцам, чьим владением Гондурас являлся в то время. А чтобы ребята прочувствовали все великодушие британских властей, люки трюмов плотно задраили и открыли полностью только тогда, когда корабль кинул якорь в бухте недалеко от бескрайних песчаных пляжей испанской колонии.

Зажав свои благородные носы надушенными платочками в одной руке, и помахивая изящными пистолетиками в другой, англичане принудили бедных гарифуна выбраться из трюмов, прыгнуть за борт и плыть под дулами бортовых каньонов прямо к золотистым берегам. Естественно, количество гордых мятежников порядком сократилось во время регаты, включившей в себя промежуточные остановки на Ямайке и других островах, и этого вот массового заплыва. Но несколько сотен все-таки смогли ступить на твердую землю.

Как они смогли выжить в условиях полной трюмной антисанитарии, устроенной благородными подданными английской короны – история стыдливо умалчивает. А потомки переселенцев предпочитают обходить стороной эту тему в разговоре, делая вид, что не понимают вопрос. Но с тех самых пор гарифуна, или, как они сами себя называют во множественном числе – *гаринагу* – расселились по всему побережью от юга Белиза до севера Никарагуа, где и живут по сей день.

Живут, по словам парня, крайне бедно. Но менять свой жизненный уклад не хотят ни в какую и в университеты всякие-разные отнюдь не торопятся. Все его, шофера, родственники, были рыбаками до тех пор, пока не начался туристический бум.

Европейцы и американцы, начиная со второй половины XX века, стали прибывать сюда регулярно, организовано, небольшими партиями. Для них строились отели и рестораны, причалы и дайвинг-центры, а потом уж и сами они стали покупать здесь недвижимость и землю. Точнее – песок. Вот и начали устраиваться его сородичи в службу, прочно усвоив международное понятие «на чай». А он даже смог купить себе авто и стал «извозчиком».

– А откуда же здесь пресную воду берут? – любопытствую.

– А из лагун. Туда много окрест речк впада.

– А куда девают продукты жизнедеятельности?

– А туда ж. По крайн мере, когд я рос, мы так делал. А там, где ты будшь жить, я не зна. Наверн, очистн есть. Или септческ клодцы.

Да-а... Похоже, парень не шутит. А ведь мы едем по этой самой Сайдуок уже минут пятнадцать-двадцать. Это что же, все дерьмо, пардон, которое производят местные вкупе с приезжими, сливается туда же, откуда потом для орошения тел в душе и мытья посуды в ресторане берется вода? Оорригинально! Тут же вспоминаю анекдот о белом, который, увидев лежащего целый день в гамаке под кокосовой пальмой негра, спросил того, почему он не хочет собрать орехи, валяющиеся кругом?

– А зачем? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Чтобы продать их на рынке. – Сказал белый.

– А зачем? – еще раз спросил негр.

– Чтобы на полученные деньги можно было нанять рабочих и собрать еще больше кокосов.

– А зачем? – в третий раз спросил негр.

– Чтобы продать их, иметь много денег и потом вообще ничего не делать! – начал терять терпение белый.

– Так я и так ничего не делаю! – усмехнулся негр, приведя предприимчивого собеседника в полное замешательство и совершенное расстройство миссионерского духа.

Мой новый знакомый громко и заразительно хохочет, едва дослушав анекдот до конца. Но мы уже проехали аэропорт, расположенный на расширившейся на минутку косе, и притормозили у отеля, так что вдоволь насмеяться не получается.

Пока расплачиваюсь, шофер негромко предлагает мне на следующий день съездить на лодке на барьерный риф. Или на один из бесчисленных островков поближе.

Сулит взять вдвое меньше, чем берут в отеле. Подумав о здешних ценах (сто баксов за ночь минимум), я осторожно соглашаюсь. Он обещает прислать брата, которого зовут *Гил* («г» у него звучит как нечто среднее между собственно «г» и «х», у нас в России так на юге говорят) к восьми часам утра. Окей, подмигиваю я заговорщически, и мы расстаемся.

Отель представляет собой основной корпус с небольшим бассейном, стоящий у дороги, и несколько крытых пальмовыми ветками бунгало на сваях прямо перед выходом на неширокий песчаный пляж. Все эти строения органически вписываются в раскиданные там и сям насаждения так, что ощущение складывается, я бы сказал, полностью русско-дачное. Со скидкой на тропики, конечно. И на плеск морской волны.

На берегу выстроились в ряд шезлонги. Что радует, так это то, что их от силы десятка полтора, а не полторы тысячи, как на облюбованных россиянами курортах Турции и Египта. Вода даже в сумерках кристально прозрачна и чиста.

С деревянного пирса можно легко рассмотреть «гад морских подводный ход» на трехметровой глубине. Говорят, что здесь можно не только банально понырять, но даже, если повезет, поплавать рядом с *ламантинами*, добродушными морскими коровами весом до полу-

тонны. Их тут еще пока не успели истребить, как их родственницу *Стеллерову корову* на наших Командорских островах.

Интересуюсь расценками на лодку с мотором до рифа. Это здесь зовется «сафари» и стоит сто баксов с каждой пары ластов. А если не наберется хотя бы четырех любителей понырять, то цена вырастет, само собой. Отправление с причала напротив отеля в десять утра, возвращение в четыре пополудни.

А что еще, кроме извоза, входит в стоимость данного тура? Обеспечение безопасности клиентов, бутилированная вода и фрукты. И все? И все. Вот это, я понимаю, бизнес на широкую ногу... Черноморские извозчики, берущие по стольнику с носа за пять минут сказочной прогулки на надувном «банане» – перенимайте опыт у белизских коллег!

Ладно, надо зажевать эту информацию чем-нибудь посерьезнее, чем сэндвичи, которыми я подкреплялся в течение дня. Иду в ресторан на веранде напротив пляжа, сажусь за свободный столик с видом на море (они все здесь с этим видом!), прошу меню и бутылку пива. Пью жадными глотками (ведь целый день на одной воде, братцы!), изучаю ассортимент, а потом думаю, а чего его изучать?

Приехал на море – ешь морепродукты! Чай, не свежее-размороженные, как в Москве, подадут. Заказываю ассорти. В нем есть мидии, креветки, кальмар, осьминог, лангуст и какая-то местная рыбка. Все пожарено на углях с добавлением кокосового масла. Кальмар с осьминогом, конечно, не гигантские, и даже не крупные, поясняет официант. В юношеском возрасте они всегда нежнее, намекает он с улыбкой. В целом выход будет с большое столовое блюдо. И еще пива. И тосты. Все.

На обдуваемой легким морским бризом веранде дары моря, осторожно поджаренные на угольках, отлично сочетаются с хорошо охлажденным пивом. Луна иногда выныривает из-за ленивых облаков, негромкая сальса звучит из спрятанных под пальмовой крышей динамиков, да иногда какая-нибудь расшалившаяся волна вяло наезжает с жиденькой пеной у рта на потемневший песок. И немедля захлебывается, получив от пляжа по физии. *Viva la vida!* (да здравствует жизнь)!

Маленькая веранда пуста, только за соседним столиком сидит семья из четырех человек. По разговору, с характерными интонационными подъемами и спусками, напоминающему ленивый собачий лай, эти ребята явно приехали из Техаса, или другого южного штата.

Глава семьи, здоровенный мужик в широченной футболке с фотографией во всю спину и надписью «*Scuba Diving Blue Hole*», в шортах до колен и кроссовках на босу слоновью ногу, никак не может совместить процесс поглощения пищи с распирающими его впечатлениями от дневного сафари на рифе. Его супруга и их дочки-тинэйджеры пытаются вставить хоть слово в тот момент, когда папа засовывает в рот новый кусок свиной *chuleta* (стейк) и начинает его пережевывать. У них это даже получается иногда. Но силы явно не равны, и папаша, запив очередную порцию проглоченного мяса хорошим таким глотком пива, снова берет инициативу в свои руки. То есть, в рот.

Я боюсь показаться подслушивающим чужой разговор невежей, хотя трубный глас абсолютно не зажатого в себе американца легко перекрывает и негромкую музыку, и ветерок, и прибой. Но любопытство оказывается сильнее, и, едва дождавшись конца семейного обеда, я обращаюсь к главе с вопросом о том, где это они сегодня так навпечатлялись? Вот бы и мне туда. Хоть одним глазком взглянуть...

Папаня поворачивает ко мне свой мясистый нос, коронованный очками, которые я сразу и не узрел, захваченный эмоциональным рассказом, и обстоятельно отвечает: — «*Well, I donnow exactly! But that's amazing!*» (Блин, да я точно и не знаю! Но было здорово!) Мама с дочками дружно кивают и поддакивают после того, как мужик, отрапортовав, поворачивает голову к ним в ожидании подтверждения своих ощущений.

Оказывается, сегодня они, взяв пакетное сафари, плавали куда-то на юг от того места, где мы сейчас ужинаем. И видели, как утверждают, двух ламантинов. Скорее всего, мамашу с детьми потому, как размеры млекопитающих существенно различались. Те вначале шарахнулись от звука работающего мотора в сторону, но потом, когда гид заглушил агрегат, а сами

амеры попрыгали в исследовательской горячке в воду, через какое-то время якобы подплыли к ним познакомиться. Особенно ламантинов заинтересовал сопоставимый по размерам и весу с мамашей красношейей глава семьи.

– А как вообще кораллы на рифе? – спрашиваю я, пользуясь установившимся взаимопониманием.

– Супер, просто супер! – отвечает эмоциональный гринго. – Вы в первый раз в Белизе?

– Да, вот только приехал из Гватемалы.

– Ооо, Гватемала великолепна, мы там были пару лет назад! Великолепна!

– А, простите, что это у вас за фото на майке? Пещера вроде, судя по сталактитам, но причем здесь тогда надпись *Scuba Diving*?

– Это не пещера, это колодец в рифе *Lighthouse*! – весь светится от сознания собственной значимости глава семейства. И охотно поясняет невеже, то есть, мне: – Мы уехали оттуда позавчера. В рифе есть такое место, называется Голубая Дыра, похожее на кратер вулкана. Оно уходит вглубь более чем на сто метров. Туда даже этот, как его, – прищелкивает пальцами, – Жак-Ив Кусто, это, кажется, француз такой, да? – (мамаша в растерянности, девчонки дружно кивают головами), на своей яхте «Калипсо» заплывал. Но мы, конечно так глубоко не ныряли! Хав-хав-хав! – шутит он, лая от радости, как отыскавший в снегу альпиниста сенбернар.

«И-э-хх, не в той стране вы родились!», – думаю я про себя, втайне завидуя богатым гринго, спокойно путешествующим на свои зарплатки по всем привлекательным местам. Наши горячие ребятки без всякой подготовки бы туда залезли, лишь бы деньги на транспорт туда-обратно были. Только, чтобы достать кусок старой ржавой рынды со дна и показать всему миру, что мы круче сваренных вкрутую яиц.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор. Нам жизнь дала стальные в руки крылья, а вместо сердца – пламенный мотор!» – вспомнились строки из незабвенного «Марша авиаторов». Но стальные крылья и мотор вместо сердца в данном случае негодились: мне эти подвиги не совершить по любому, ибо место то заповедное, о котором поведал эмоциональный техасец, было намного севернее, а у меня был только день в запасе. И совсем мало денег на возвращение в Гондурас.

Поблагодарив американцев за интересный рассказ, я пошел к себе в бунгало на курьих ножках. Посидел еще немного в деревянном низком кресле перед входом, вдыхая ароматы неведомых мне цветов, слушая стрекотание влюбленных цикад и любуясь на окончательно успокоившееся к этому часу море.

Спутник Земли, совсем не такой зловещий, как во вчерашней (не к ночи будь помянута!) сиесте, высветлил на северо-востоке широкую дорожку, как бы приглашая прокатиться по ней с ветерком. Благодарю, глубокоуважаемая синьора, но на сегодня покаталок достаточно... Я сладко зевнул в ответ на приглашение, включил вентилятор и тут же уснул.

БАРЬЕРНЫЙ РИФ

Утро преподнесло неприятный сюрприз.

Оказывается, полноценные завтраки в этом отеле подаются только по предварительно оформленному заказу. И заранее оплачиваются. А так могут предложить только кофе, булочку с джемом и шоколад. Заполняемость, видите ли, отеля в данный момент не позволяет им нанимать повара на полную смену.

Но на часах уже полвосьмого, а в восемь за мной должен зайти Гил. Если, конечно, таксист не навешал мне вчера лапши на уши относительно недорогой поездки на риф в компании своего брата. У меня, правда, еще оставалось два, припасенных с Гватемалы сэндвича с ветчиной и салатом под кетчупом. Только бы они не испортились по такой жаре.

Голода ранними утрами я никогда не испытываю и, если и завтракаю, так это только «про запас». Сегодня из-за ресторанных и экономических особенностей отеля наесться наперед мне не удастся. Поэтому сэндвичи подождут своей очереди. В конце концов, перед погружением, сидя в покачивающейся на волне лодке, пища даже выигрывает во вкусе. Это – давно уже научно установленный и экспериментально подтвержденный факт.

Выйдя со свертком к пустой парковке перед отелем, обнаруживаю темнокожего худощавого парня со смешной кучерявой бородачкой от уха до уха. Он сидит на корточках в жиденькой тени кокосовой пальмы прямо на газоне со свежестриженной зеленой травкой и ковыряет какой-то соломинкой в невероятно белых зубах.

– Гил? – спрашиваю.

– Ага. – Меланхолично отвечает бородач, не поднимаясь.

– А где же твой транспорт?

Пружинисто встает и машет рукой в неопределенном направлении. – Там. Пошли.

Идем по главной и, похоже, единственной в поселке, улице. Я ее вчера толком впотьмах не разглядывал, но так ничего себе, аккуратненько. Домишки, в основном скрытые от чужих глаз обильной зеленью, все с верандами, свежавыкрашенные. Возле гостиниц и прочих заведений газончики под полубокс постриженные, штакетнички ровные, бордюрчики и пальмочки побеленные – лепота!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.